

Тимур Гагин. Как мне жить дальше, или Психология повседневности

Врать не по лжи

— Вранье принципиально отличается от лжи.
В.В. Захаров, доктор психологических наук.

*Так верилось, и вот случилось:
Всей верой, всей вселенской болью,
Всех праведных и правых кровью
Неправедное облачилось.
И наконец-то — Справедливость
Восторжествует над Любовью.*
Л.Викторова, поэтесса, кандидат педагогических наук.

*Поздравляю вас, гражданин, согражданин...
М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»*

На занятиях по практической психологии — будь они в клубе молодежи или для студентов-психологов, я частенько совершенно честно заявляю: «Я не обещаю быть честным. Или, тем более, справедливым». Почему?

⌚ *А почему, собственно?*

Еще более честно я обычно поясню, что такое обещание нашу работу существенно (и непродуктивно) ограничило бы: психология (тем более практическая) рассматривает жизнь, а жизнь, на мой взгляд, существенно богаче простого «да-нет», «правда-ложь», «единица-ноль». В самом деле, человек — не компьютер (слава Богу!), и его повседневная реальность (что называется, быт) далеко не всегда вписывается строго в одни рамки.

⌚ *Точнее, если все-таки с виду вписывается, то либо человек нам врет, либо мы себе врем. К примеру, если человек представляется нам только и исключительно озабоченным проблемой голода в Африке, либо он не вполне искренен, либо это мы чего-то не заметили.*

Реальность бывает объективная, а бывает человеческая. То есть соответственно выдуманная («объективная») и такая, какая она есть на самом деле («человеческая»).

⌚ *Парадокс!*

В чем тут дело: реальность «объективная» — это реальность измеренная, обчисленная и учтенная, то есть оформленная с точки зрения весьма произвольных, но общепринятых (людьми придуманных и принятых, то есть изначально субъективных) правил и линеек. Которых в объективной природе не существует.

⌚ *Правда, бывает еще реальность научная, где эта субъективность все-таки упорно проверяется эмпирически, то есть на практике. Проверяется, заметим, людьми — и на основе людьми же принятых представлений об этой практике. Наиболее радикальные философы в этой связи считают, что реальностью в мире называется тот вариант галлюцинаций, которого на данный момент придерживается большинство. Впрочем, мы говорим о повседневности, так что оставим большую Науку в покое.*

А вот реальность человеческая начинается тогда, когда всем этим сантиметрам и килограммам кто-то из наших окружающих или мы сами начинаем придавать некий смысл. Вот, дескать, Таня толще Ани. На двадцать сантиметров в талии. Ну, и тяжелее на десять килограммов. Тут сразу все понятно?

По-моему, кстати, не сразу. Ну и что из того, что Таня толще? Само по себе это тоже ничего не значит. То есть тоже бессмысленно. Непонятно. А вот если я знаю, что Таня расстраивается и отказывается есть, а Аня радуется и Таню насмешливо подначивает, дескать, «Ваня не любит толстушек», тогда что-то начинает проясняться. Ну и так далее. Словом, на деле (в реальности?) получается, что объективность нас вообще не трогает. Интерес к ней мы начинаем проявлять, когда она нас как-то *касается*, когда мы находим в ней свой собственный смысл, то есть когда объективность обрастает нашим личным отношением, близкой для нас и понятной сердцу (и уму) субъективностью.

⌚ *Объективно?*

В чем тут смысл: в том, что если мы с вами не математики и астрономы (которые, кстати, тоже люди), и живем здесь и сейчас — в повседневности, то действительность «как она есть сама по себе» не имеет к

нам решительно никакого отношения. Значение (лично для нас) имеет отношение, возникающее у нас — к ней. И при чем тут, скажите, правдивость?

☺ *То есть обязательство старательно отражать в речи свое представление (заметьте — все-таки «свое» представление, а другого ведь и нет) о «реальном положении дел». Реальность-то, как выяснилось, у каждого своя.*

Напомним тут, что мы говорим не о геометрии или квантовой механике, а о психологии — то есть людях и их взаимоотношениях. Отсутствие в этих отношениях какой-нибудь общей для всех «правды-истины» уже давно стало общим местом и в бытовых разговорах, и в глубоких философских трудах. Поэтому, если Аня «честно» сообщит Ване, что Таня потолстела на столько-то сантиметров и килограммов, Ваня из этой «объективной» информации сделает свои, весьма субъективные, выводы. И, кстати, Аня, надо думать, об этом догадывается. Так что же, похвалить Аню за честность?

☺ *И кому эта честность делает честь?*

Пример, очевидно, слишком прост. Реальность куда более многопланова, а значит, и возможностей для ее толкования в рамках «правильно-неправильно», «истинно-ложно», «честно-нечестно» еще больше. В ней далеко не всегда, хотя бы и косвенно, все сводится к сантиметрам. И вообще к чему-либо измеримому.

— Отвечай! Где ты был вчера вечером?!!!

— Ну, был.

— Я так и знала! Я всегда подозревала!!!

Ну, допустим. Кто-то знал и подозревал. Правда, и в этом примере честный ответ собеседника пока ни о чем не говорит. А скандал уже начался. И, видимо, выясняться будет не столько факт чьего-либо наличия или отсутствия в определенное время в определенном месте и даже не характер производимой деятельности (был или не был и что там делал). Выясняться будут — отношения. И тут суть уже не в «соврал – не соврал». Тут все куда тоньше.

Поэтому, когда дело касается людей и их личных отношений, «правда» представляется мне инструментом грубым не менее, чем «ложь». Может быть, обращать внимание стоит и вовсе не на это. Я обычно предлагаю подумать над таким рассуждением:

ЕСЛИ ВЫ ЧТО-ТО ГОВОРИТЕ, И ОТ ЭТОГО КОМУ-ТО ХОРОШО И НИКОМУ НЕ ПЛОХО — ТО ЭТО ХОРОШО.

А если от сказанного вами кому-то стало хуже и никому (учитывая и перспективу) — лучше, то это, сказанное — плохо. А если никому не стало никак, то разницы — были ли вы правдивы или наоборот — и вовсе нет. А жизненная повседневность располагается всякий раз где-то между этими «хорошо» и «плохо».

☺ *И если глубоко оценить ситуацию — с точки зрения последствий ваших слов — не представляется возможным, то здесь вероятность нанести кому-то вред не больше и не меньше, чем при несгибаемой правдивости или патологической лживости. Так, может быть, лучше все-таки задуматься о доброте своих поступков, чем об их «формальном соответствии»?*

Словом, не так важно, будете ли вы говорить правду или врать в каждой конкретной жизненной ситуации. Важно, будете ли вы заботиться о тех, кто рядом с вами. И если ваша правда — для них добро, вы, наверное, скажете правду. И наоборот. А если вы не знаете, «чем слово... отзовется», то вы будете осторожны в словах, думая больше о том, как бы не навредить. Ни собеседнику, ни, кстати, самому себе.

Вот такие размышления и лежат в самой основе авторского подхода к этой книге. Поскольку речь у нас идет о психологии, да еще психологии повседневной, а не сурово академической, о психологи, с которой так или иначе мы сталкиваемся постоянно, нас, вероятно, больше будет беспокоить не вопрос «как правильно?», а вопрос «как есть?». И в разговоре этом, Читатель, я не обещаю придерживаться строгой и принципиальной правды. Наверное, свою правду каждый найдет сам. Мы же коснемся того, как это бывает — в жизни.

Когда жизнь теряет легкость

Расставание с детством

*Юный друг, всегда будь юным,
Ты взрослеть не торопись...
Никогда не знай покоя,
Плачь и смейся невпопад —
Я сама была такою
Триста лет тому назад.*

Черепаша Тортилла.

*Все возрасты покорны пубертату.
Д. Леонтьев*

Хорошо помню случай с симпатичной девушкой лет двадцати, которая буквально рыдала: «Раньше жизнь была легкой, радостной, свободной, раньше все было здорово. А теперь — постоянно надо о чем-то беспокоиться, всем от меня что-то нужно, я нервничаю, ничего не в радость. Я хочу вернуться в прежнюю жизнь! Хочу вернуться!!!»

Конечно, с подобными переживаниями люди приходили и раньше, приходят и сейчас, но эта девушка выразила характерные для многих чувства так ярко и с такой силой, что осталась в памяти символом всей этой большой темы. Другие люди в разное время, но в ту же пору своей жизни рассказывали: «С друзьями становится как-то неинтересно. Раньше с ними было весело, а теперь... То ли они отходят, то ли я отхожу. А ведь не хочется терять друзей», «То, что раньше было интересно, живо, радовало, теперь как-то уже и не так», «Жизнь потеряла легкость, свежесть, что ли, кажется, что так, как раньше, уже не будет».

🕒 Знакомо?

Общим во всех этих ситуациях является одно: переживание, что «что-то не так», желание вернуть себе легкость и яркость жизни, ее радость и беззаботность. Кто-то упрямо хочет вернуть «то время», кто-то спешно погружается в празднества и веселые компании, кто-то прилагает титанические усилия, чтобы разгрести повседневные заботы, считая их временным невезением, за которым опять — свет и радость. А кто-то, осознав, что жизнь изменилась к худшему и считая, что «дело во мне», спешит к друзьям или к психологу за советом.

🕒 «Во мне что-то разладилось, что делать?»

Интересно, что к моменту проявления этих переживаний во всей их полноте, человек обычно уже давно считает себя взрослым. Иногда это уже даже успевает ему надоесть. Тогда он заявляет прямо: «Хочу снова в детство». Чаще, впрочем, этот переход от детства к взрослой жизни настигает нас тогда, когда мы звание «взрослого» себе уже присвоили, назвав взрослостью именно ту свою жизнь, которая есть. Поэтому и проблемы, кажется, появились уже в этой, «взрослой» жизни, которая раньше была легка и свободна, а теперь, чем дальше, тем больше в ней появляется непрошенных забот, хлопот. И все это сваливается на нас так, что закрыть глаза, отвернуться и переждать просто не удается.

🕒 Не то, что раньше: примерил ответственность, побыл с ней и — сдал обратно. Передышек становится все меньше.

Если в детстве все эти заботы, появляясь с годами, все-таки были временными, порученными «настоящими» взрослыми, и, справившись с ними, можно было снова бежать радоваться жизни (убрал игрушки, доложил папе, и можно опять играть или, например, почитать книжку с картинками), то теперь «настоящий взрослым», который нами руководит — это мы сами. А значит, отделаться не удастся. Контролер-то внутри, и он постоянно находит все новые и новые заботы. И уже нет уверенности, что если эти заботы пропустим мимо себя мы, то другие взрослые ими займутся и разберутся.

🕒 А когда старятся родители, то уже и их заботы становятся нашими.

Ну и когда, скажите, тут радоваться жизни? Это же не жизнь, а сплошная ответственность!

Действительно, принять и осознать себя взрослым — не по гордому названию, а по такому вот, «без дураков» содержанию, часто оказывается куда как сложнее, чем даже за такое право в подростковом и раннем юношеском возрасте с родителями бороться. Особенно, если все это воспринимается не как

сама взрослость, а как какой-то дурацкий перекося: вот исправлю, и все пойдет как надо. «Как надо» здесь означает, что свобода и самостоятельность будет как у взрослого, а проблемы и трудности все будут решаться как-нибудь сами по себе — как в детстве.

☹ *Где и кем работать, где взять денег, куда пропадает свободное время и так далее.*

И все бы хорошо, и «вот еще чуть-чуть», последнее усилие, и жизнь ослабит хватку, и все будет как раньше, только лучше. А жизнь — не ослабляет. В таком колесе можно крутиться очень долго, переживая, пока жизнь снова не станет «хорошей». Можно даже активно к этому стремиться: девушки, например, возврат такой «хорошей» жизни часто связывают с замужеством.

☹ *Уж раз муж, то — как хошь: взялся за гуж, вынь, да положи!*

Можно упорно и раз за разом отказываться от треволнений и запросов взрослости, пока либо совсем не припечет (если за тебя никто не сделает), либо не появится кто-то, кто пожалеет и возьмет неблагодарную часть взрослой жизни на себя.

У меня есть знакомый, который и в свои 30 с небольшим лет ведет жизнь подростка, совершенно сознательно изгоняя из своей жизни все, что в такой жизни — лишнее. Общаться он предпочитает, естественно, в своем, то есть подростковом кругу. Ну, а женщин, чью «тонкую возвышенную натуру не понимает муж», я полагаю, все мы с вами встречали. Кстати, мужья такие тоже встречаются.

Прорыв наступает тогда, когда человек осознает: все это, все эти заботы и трудности, бытовые мелочи и большие вопросы — на всю оставшуюся жизнь. Что это не досадное недоразумение, а такая часть взрослой жизни, которая будет всегда.

☹ *До старости или до невменяемости, ни дай Бог.*

Именно тогда становится ясно, что это все — не что-то внешнее, что мешает жить, и от чего надо срочно (или постепенно) избавляться, а часть моей собственной жизни, часть меня, что это — тоже я. Именно в тот миг, когда это становится щемяще ясно не умом, а до дрожи самых изначальных душевных струн, когда пропадает окончательно глубинное «а вдруг обойдется», именно тогда и приходит в нашу жизнь окончательно — взрослость. И уходит — Детство.

Кстати, обычно с этим уходит и большая часть нервотрепной неопределенности.

☹ *Говорят, ожидание приговора хуже самого приговора.*

Потому что теперь нет необходимости срочно исправлять что-то мешающее, что в жизни «не так». Не нужно торопиться поскорее добежать до горизонта. Можно заняться жизнью здесь и теперь, как она есть, а не подгонять ее под то, чем она уже не станет. И радоваться жизни настоящей вместо того, чтобы переживать ее несоответствие прошлому идеалу.

И все бы хорошо, и большинство людей, я надеюсь, такой путь и проходят. Но есть и те, кто, так и не дождавшись мига освобождения от «тяжести жизни», природы этой тяжести тоже не понял. И она, эта тяжелая ноша, так и осталась врагом. Хуже — врагом победившим, сломавшим меня, счастливого и радостного. А потому вместо осознания взрослой жизни получается жизнь в безысходности.

☹ *«Все хорошее в этом мире — не для меня. Жизнь меня бьет, мир меня предал, у меня отняли мое счастье.» — встречались такие люди?*

И тогда славный и жизнерадостный человек, которого мы хорошо знаем, и рядом с которым было тепло и хорошо, эту свою радость жизни теряет. Разочаровывается. И становится — обозленным на предавший его мир жестким циником. Или (и чаще) просто отгороженным от мира холодным, как бы механическим человеком. Так или иначе радость, любовь, отзывчивость и душевное тепло, которые теперь кажутся недостижимыми (и это болезненно) как бы отсекаются. Отсекается — живая душа. Побеспокоимся об этом? А как?

Как избежать безысходности? И как оттаять, отогреться человеку, которому мир обещал тепло и радость, яркость и любовь, но — отобрал навсегда? (Как это кажется). Признаюсь сразу, когда человек уже «замерз» — эта задача становится весьма и весьма трудной. Тут пробиться за ледяную корку к живой душе (да и то не всегда) помогает мощная эмоциональная встряска, сильное — и желательно доброе — переживание.

☹ *Например, помочь другу, когда ему уже никто помочь не мог.*

А жизнь такое предлагает нечасто. И к психологу за такими вещами тоже не всегда пойдешь.

Гораздо важнее здесь — предотвратить «замерзание». Когда-то это возможно, если просто вовремя объяснить человеку, что с ним происходит и, главное, что тут все нормально. Что все его переживания и метания — не «загоны» и «болезнь», а нормальное человеческое развитие.

☹ *Вы удивитесь, насколько часто одного авторитетного «так и должно быть» людям хватает для восстановления утраченного душевного равновесия.*

Когда-то можно опереться на друзей, уже перешедших порог взрослости. (Правда им, перешедшим, может быть с «отстающим» уже не интересно).

Но даже и тогда от самой большой беды — от убежденности в безысходной тяжести жизни — спасает главное: когда человеку есть куда жить, когда впереди его ждет что-то действительно важное для него.

☹ *Когда человеку есть что в жизни делать. И он знает, зачем.*

Кстати, это вполне логично: если ты знаешь, что дальше, то о безысходности речи уже не идет. Только вопрос этот: «Куда я живу, как мне жить дальше?» ничуть не легче вопроса «Куда уходит детство?». По сути, это первый большой вопрос взрослой жизни. И от ответа (или ответов) на него эта жизнь очень и очень зависит.

Все выше и выше?

— Александр Анатольевич, а зачем жить?

— Ну не для себя уж точно.

А.А. Ширвиндт на встрече со зрителями

— Себя надо любить, дурак ты такой!

Из мультика.

С пионерских времен (кто их помнит) или просто со школьного возраста остались в нашей жизни магические слова «работа над собой», «саморазвитие», «самосовершенствование», «самовоспитание» и вот теперь, модное среди психологов и околопсихологов словосочетание «личностный рост». «Он много работает над собой», «он занят личностным ростом» — основания для уважительного отношения к человеку.

☹ *По крайней мере, для уважительного о нем разговора. Хотя порой и для насмешек за глаза. Приходилось сталкиваться?*

Идет разговор на занятии:

— Народ, за что мы людей обычно уважаем?

— За силу характера.

— За целеустремленность.

— За силу воли.

— За духовное развитие.

— За то, что любим...

— В самом деле? А если мы уважаем противников, врагов — такое бывает?

— Бывает...

— Похоже, дело тут не в любви. Хотя любовь бывает и вместе с уважением, верно? За что еще — уважаем?

Славная девушка Марина предлагает вариант:

— За то, что человек в чем-то лучше.

— В чем?

— Да в чем угодно!

— Действительно так? Если Олег лучше тебя умеет играть в крышечки от пивных бутылок — ты будешь его именно за это уважать?

— Ну, вряд ли за это, — Марина смеется.

— А за что?

— Ну, если он умнее, профессиональнее, мудрее, наконец.

— Выходит, мы уважаем человека, если он лучше в какой-то ценной, важной для нас области?

— Пожалуй, так.

— Что еще?..

Разговор продолжается, и постепенно высказывания сводятся к двум вариантам: мы уважаем ценимые нами КАЧЕСТВА в человеке — сами по себе, а также большую, лучшую их развитость по сравнению с собой. Собственно, развитие в себе, формирование таких вот ценных качеств и называется, наверное, самосовершенствованием, духовным (и не только духовным, о теле тоже можно отозваться уважительно) ростом.

Что тут не так? На первый взгляд все очень даже приемлемо и серьезно. Но... почему-то в повседневной реальности такой подход мое уважение вызывает не всегда. Дело в том, что приведенное рассуждение не учитывает — прямо и недвусмысленно — эту самую повседневную реальность.

Ⓢ Хотя иллюзия понимания создается: нам кажется, что речь идет о важных и насущных вещах. Как же — целеустремленность! Мудрость! Интеллект! Но — задумаемся — о чем именно тут все-таки речь? Точнее: как все это проявляется на практике?

Давайте сразу договоримся: никто не против личностного роста и работы над собой. Нас только не радует ситуация, когда этот рост и эта работа предлагаются как самоцель, то есть — ради самих себя.

Ⓢ Зачем растешь? — Чтобы расти... А кайф зачем ловишь? А ради кайфа!

Можем мы с вами представить человека, который с его ежедневными самопогружениями и глобально-ориентированными размышлениями — обычный трутень? Или сухой и никчемный зануда? Или человек откровенно вредный?

Ⓢ Хотя чаще — никчемный: «Мой сын занялся медитацией. — И что ты? — Я только рада: лучше уж заниматься хоть чем-то, чем день-деньской сидеть без дела.» Да?

Словом, если мне с восторженным пиететом начинают рассказывать о каком-нибудь почти просветленном знакомом, чьи духовные искания приближаются если не к подвижничеству Будды, то уж точно к подвигам Геракла, меня обычно как-то неуместно (по ходу разговора) начинает интересовать вопрос: а вся эта его титаническая работа над собой — зачем? И я вовсе не намекаю, что мол «незачем». Меня искренне и всерьез интересует, все эти силы, время (а по нашим, богатым духовными гуру временам — и деньги) наш близкий к просветлению друг и товарищ тратит — ради чего? Что от его просветленности в мире — прибавляется? Ну, кроме этой его просветленности?

Если кто-то просветляет сам себя (и вообще, делает что-то сам — ради себя и с использованием самого себя), простите за не совсем приличное сравнение — это нам ничего не напоминает? А если — сам для себя, но с использованием других? Говорят, каждый стоит столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет. И тогда, если все, о чем человек хлопочет, это он сам (или и того меньше), то что всем остальным — людям, жизни, миру — до него? Вот он уйдет, выпадет из мира, и что?

Ⓢ Что ты есть, что тебя нет... Не это ли называется «пустым местом»?

А настоящее, Человеческое — это то, что остается в мире кроме нас, независимо от нас и не для нас самих. Этаким «сухой остаток».

В русле нашего разговора у меня есть предположение, что и личностным ростом можно заниматься «в себя», ради себя самого, и не зная другой цели. Всю жизнь. И чем тогда это отличается от, к примеру, коллекционирования марок? Хорошее дело — любить марки, никто не спорит, но ценить это приятное и познавательное занятие как суть и содержание чьей-то жизни? А вот если человека заботит что-то вне его (и даже вне явной связи с ним самим), то есть что-то большее, чем он сам — вот здесь и начинается ценность этого человека для окружающего мира, для нас с вами. Человек имеет право и не беспокоиться о таких вещах, и он даже будет любим (ведь любовь бывает безусловной), но за что нам его тогда уважать?

Поэтому вопрос «зачем?», возникающий порою столь, казалось бы, неуместно, неслучаен и многое помогает расставить по местам. И здесь нас интересуют не долгие теоретические рассуждения о грядущей, скажем, «нирване» или любой другой неощутимой абстракции, а связь с повседневной жизнью, чтобы жизнь эта работала не когда-то потом, а прямо здесь и сейчас, с теми, кто в этот момент

находится рядом. И вообще, чтобы эта жизнь — работала. Поэтому мне близко размышление такое: если я духовно расту, то я знаю — зачем, и конкретная практика моей жизни это подтверждает.

И тогда наша работа над собой обретает — смысл. И результат. Тогда понятно, ради чего, с какой целью мы тратим себя. А повседневная жизнь каждый день и каждый час может дать нам вполне честный ответ: результативна ли наша работа, осмысленны ли наши усилия?

⌚ *И, кстати, появляется возможность подумать о разумной достаточности. Вместо того, чтобы «копать отсюда и до вечера», занимаясь личностным ростом вплоть до появления «высшего света» или пока не надоест, можно расти так и столько, сколько нужно, чтобы жизнь давала желаемый результат. И, кстати, в этой работе над собой появятся выходные и даже отпуск. Которые у нормального человека — должны быть.*

«Ну конечно, — могут возразить мне начитанные люди, — найдешь сейчас таких, которые что-то делают не для себя.» И потом с опорой на толстые источники докажут, что даже самое доброе дело делается из соображений личной выгоды. Пусть и вторичной. Дескать, что бы хорошего человек не делал, это ему лично зачем-то надо.

⌚ *Ну, компенсирует он так что-то свое. Из детства. Самоутверждается.*

Может быть. А может быть и нет. Не суть. Главное здесь в другом. Цель, все-таки, вряд ли оправдывает средства. Жуткие примеры последствий такого подхода нам с вами известны. (Начиная с Игнатия Лойолы и деятельности отцов-иезуитов и заканчивая ежедневными зубодробительными скандалами с целью, например, «исправить» мужа или жену). А вот средства, по моему глубокому убеждению, цель оправдать могут. Потому что цель — это чья-то фантазия. А средства — это реальность, прямо или косвенно касающаяся окружающих людей — нас с вами.

⌚ *И если у человека мечта всей жизни — уничтожить все велосипедные шины на планете Земля, и ради этого он ежедневно и добросовестно помогает, скажем, престарелым людям (ну вот связалось как-то одно с другим в его голове — встречается и более непонятная «логика»), то мы, наверное, не будем особо интересоваться взглядами такого человека на велосипеды. А вот помощь его встретим с благодарностью. Так?*

А раз так, не все ли нам равно, что компенсирует или утверждает человек в своей собственной голове, если в нашей с вами действительности от этого кому-то становится хорошо?

ЕСЛИ ВЫ ЧТО-ТО ДЕЛАЕТЕ, И ОТ ЭТОГО КОМУ-ТО ХОРОШО, И НИКОМУ НЕ ПЛОХО, ТО ЭТО — ХОРОШО.

Да?

Обманщики и попрошайки

*Хороший человек — это не профессия. Надо делать дело.
Говорят американские бизнесмены.*

— Хочется, хочется, много всего хочется. Единственное, чего не хочется, это хоть что-нибудь для этого сделать.

Слышал из уст Геннадия Хазанова.

Люди, с которыми мне приходится сталкиваться как по работе, так и просто в личных взаимоотношениях, обычно не против жить хорошо. Многие даже склонны об этом помечтать более или менее подробно.

⌚ *У молодых женщин это обычно оформляется как пожелания к будущему супругу. У молодых же мужчин пожелания к будущему обычно... менее детальны.*

Вот и сейчас мне чуть не каждый день доводится сталкиваться с замечательной девушкой

⌚ *Тем более женщиной,*

у которой достаточно много времени уходит на разговоры о том, кто и как сделает ей «хорошо»: купит то-то и то-то, отремонтирует квартиру, повысит зарплату, сводит в кино и накормит жареной стерлядью. Кстати, стерлядь свою на моей памяти она получила. И вообще, то, что она хочет получить по мелочи от людей и жизни, она обычно получает.

⌚ *Я же говорю, замечательная девушка.*

Чем человек моложе, тем дальше он обычно смотрит в свое светлое будущее и видит там весьма и весьма привлекательные картины. Когда тебе около восемнадцати (плюс-минус), ты обычно подаешь надежды — в первую очередь себе, а часто и окружающим. А жизнь подает надежды тебе. Поскольку надежды эти отнесены к более или менее далекому будущему, они не требуют сиюминутного напряжения сил и вообще мало соразмеряются с реальностью настоящей. Мало ли что будет в той,

будущей реальности! И ты щедро фантазируешь, представляя себя в той грядущей жизни, где все получилось и все идет как надо.

Идет время, и постепенно становится ясно, что жизненный промежуток, отведенный на «подачу надежд» постепенно (а если поздно спохватиться, то и стремительно) истает.

⌚ И молодой человек о таланте и будущем которого восторженно говорили еще пару лет назад: «Настоящий талант! Далеко пойдет!», вызывает уже куда более сдержанные эмоции, а годам к тридцати и вовсе вызывает уже не восторг, а сочувственное: «А ведь подавал надежды...» Потому что далеко — не пошел, а продолжал подавать надежды.

Идет время, и срок, представленный некогда, как «далекое и светлое» будущее, уже приближается. А мы — не готовы. Не похожа окружающая действительность на ту, в которой нам, по замыслу, предстояло жить и радоваться столько-то лет спустя. И не только не похожа (до этого все-таки еще остается какое-то время), а и даже не начала походить. Вялые какие-то предпосылки. Вот тут и начинаются метания: за что схватиться, что успеть, хватит ли сил?

Люди обычно выбирают разное. Самое легкое: пересмотреть претензии к жизни.

⌚ Сказать себе, что все это пустые мечтания молодости, а жизнь она и есть жизнь: скупо, бедно, плоско... А кому сейчас легко? Тревога вроде бы уходит: ждать больше нечего, живи сегодняшним днем. Правда, на место тревоги приходит разочарование в себе. Усталость без дела. Апатия. Кто-то замирает и живет как в полусне, а кто-то начинает метаться, подстегивая себя переживаниями «здесь и теперь», раз уж от будущего ждать нечего. Дескать, живем один раз! Бери от жизни все! А за этим — пустота, которой человек защитил себя от признания себе в собственной — увы — несостоятельности.

Второй вариант: пересмотреть сроки, отложить подальше время, когда снова придет пора взглянуть в лицо своим мечтам о будущем, убедить себя, что «время еще есть». И — продолжать жить беззаботно и не напрягаясь.

⌚ Ты все пела? Это дело...

Правда, это лишь отложенный первый вариант, потому что в глубине души человеку все ясно. И веселость его чем дальше, тем все более приобретает судорожный характер, порой уже и просто неприятный окружающим из-за злобного цинизма. Откуда это? А как же: если ты видишь, что знакомые и друзья (о которых ты, сверяясь со своими мечтами, думал как о «птицах невысокого полета») уходят по жизни вперед тебя, что остается? Все верно — обесценить их успехи насмешкой, злой и беспощадной. Потому что, если их успехи признать, придется печально задуматься о себе и уже своем, уходящем (или ушедшем) времени.

⌚ Легче выставить идиотами тех, кто чего-то уже добился. А что? Пашут только лошади. Ну и трактора.

Входя в привычку, такой подход выливается в презрение и третирование тех, кто (в отличие от нас, презирающих) чем-то всерьез занят. Если не удастся записать его в придурки, то — уж точно в хапуги.

⌚ Ему же больше всех надо! Как люди ему не живется!

Надо думать, если мы с вами еще не вспомнили таких людей вокруг себя, то, оглянувшись мысленно, обязательно вспомним. Это ведь не редкость.

В третьем варианте поведения, когда приходит пора переходить от подачи надежд к их реализации, люди вздыхают, засучивают рукава и занимаются черновой работой, хмурят лбы, тратят силы и нервы, планомерно двигаясь к цели. И за это они имеют глубинное внутреннее спокойствие: им не пришлось разочаровываться в себе, не понадобилось ежедневно заставлять себя верить в свое собственное вранье на тему «а не очень-то и хотелось». Потому что их жизнь — работает. А они — живут.

⌚ А не переживают жизнь.

И, кстати, когда нахальные дети-подростки спросят: «А сам-то ты что такого в жизни сделал?», таким людям (уже в изрядном возрасте) не придется отводить глаза и мяться в поисках ответа.

Идет игра в молодежном клубе. Ведущий рассказывает притчу о трех слугах, получивших от хозяина на сохранение по пять талантов.

⌚ Хорошее название для денег, правда?

Один закопал в землю, другой пустил в рост, а третий открыл свое дело. Когда хозяин возвратился, первый честно вернул пять талантов, второй вернул пять и еще пять, а третий — пять и еще десять.

Первого слугу хозяин прогнал, второго наградил, а третьему поручил управлять всем своим хозяйством.

⌚ Ходят упорные слухи, что был и четвертый слуга, который с деньгами просто скрылся.

По этому поводу участникам игры предлагается взять в руки по рублю (только эти рубли в течение игры считаются деньгами и имеют хождение-ценность, доставать другие деньги нельзя). Таким образом — у всех равный стартовый капитал. Задача: распорядиться деньгами наилучшим образом. Игра идет здесь и сейчас в реальности игровой комнаты. Все, что за этими пределами — как бы не существует. Времени — полчаса. Ведущий оставляет за собой право прекратить игру в любой момент. Время пошло!

Сначала начинается бурная активность: народ с хитро-веселым видом подсакивает друг к другу, формируя предложения. По всей игровой комнате бодро передвигаются, зазывая саморекламой, большие и маленькие группы — «трастовые компании», «холдинги по продаже земельных участков» и просто «банки».

⌚ О великая просветительская роль рекламы!

Где-то бодро играют в наперстки (и где только взяли?), где-то подбрасывают монетку, где-то бросают в цель (попал — весь банк тебе. Не попал — в счет «заведения»), где-то гадают по руке, а кто-то (ого!) предлагает астропсихологические консультации. Словом, народ суетится и полон радужных надежд относительно близкого богатства.

Идет время. Активность все еще сохраняется, хотя в большинстве случаев это «хорошая мина»: «трасты» и «холдинги», собрав, кого могли, в свои ряды, явно не знают, что делать дальше и с нетерпением ждут конца игры. Уже раздаются возгласы о возврате денег. Игра идет вяло, да и у «астропсихолога» с «хироманткой» клиентов не видно. Большая часть людей, зажав в руке кровный рубль, попросту бродит по комнате и смотрится неприкаянно. Кто-то пытается под шумок просто отобрать рубль у зазевавшегося парня. Насколько я понимаю, это даже не столько попытка «наудачу», сколько желание найти хоть какой-то выход. Постепенно группа погружается в растерянность. Раздаются возгласы: «Давайте заканчивать игру»...

⌚ Дескать, «а не очень-то и хотелось».

От первоначального возбуждения почти ничего не остается. Спасибо, игра закончена.

Результаты игры я обычно комментирую примерно так:

Во-первых, “распорядиться наилучшим образом” традиционно воспринимается как “преумножить”, разбогатеть. А это только вариант.

⌚ И не всегда осмысленный. То есть это не всегда личная ценность «богатеющего». Скорее, подхваченная в нынешней нашей общественной атмосфере, как наиболее распространенная.

После одной из игр состоялся такой разговор с девушкой, которая вела себя энергично и агрессивно, не стесняясь вырвать сторублевку (дело было еще до обмена денег) из рук зазевавшегося человека или выцыганить шантажом и угрозами: “- Зачем тебе это? - Чтобы получить больше денег. - Зачем? - Чтобы открыть свое дело. - Зачем? - Чтобы заработать больше денег. - Зачем? - Чтобы сделать кому-нибудь что-то хорошее.” Интересно? А в это время тот парнишка, у которого она сторублевку стащила (чего уж там) с другой девушкой танцевал и весело шептался. Вопрос: “Им было хорошо?” “Да”. “Выходит, можно делать что-то хорошее и напрямую?”

Эпизод из другой игры: Молодой человек энергично предлагает варианты заработать. Но вот он “прогорел”. (Девушки сколотили инвестиционную компанию и многих разорили). Молодой человек поприших и сидит в углу индифферентно. Тут к нему подходит девушка (которой он нравится), в аферах еще не поучаствовавшая, да и не горящая таким желанием. Просто подседа поговорить. Парень молчит и неловко себя чувствует (без денег - неудачник?). Но девушка оказалась мудрей. Ласково, невзначай, она просит помочь распорядиться своей сторублевкой или хотя бы взять на хранение. Уговорила. “Вкладывать” парень не побежал, уже ученый, но ожил, стал разговаривать, и к концу игры эта пара чувствовала себя заметно лучше, уверенней и “живее”, чем другие, даже те, кто всех “обул”. В других играх снова обращаю внимание: нет денег, и все - юноша чувствует себя скованно, шутит натянуто или вовсе сидит хмурым.

То есть: Девушки! Помните, что молодые люди (хорошие люди) без денег часто чувствуют себя такими недолюдьми.

☺ Почему и что с этим делать — отдельный вопрос.

Уговорами делу не помочь, даже если Ваши доводы очень умны. Ссужать деньгами открыто и постоянно - портить отношение его к Вам. Ищите мудрые ходы. Доверяйте и помогайте. Если, конечно, хотите продолжать отношения.

И, наконец: хотя за очень редким исключением люди и воспринимают задание как “Заработать побольше” и бросаются вперед, уже к середине получаса добрая половина ходит опустив руки: не получается. В чем тут дело? Основные ходы для быстрого приумножения богатств: Игра (наперсток, карты, и т.д.), финансовые махинации (проценты, заклад...), манипуляции-попрошайничество (“Милые девушки”, “ну, хороший” и т.п.). Словом - ОБМАН. То есть иначе, как обманом, очень мало кто из молодых людей представляет себе БИЗНЕС. Практически, у всех тех, кто у нас участвовал в этой игре, эти два понятия в головах увязывались в одно. Исключения? Четыре молодых человека, которые и в самом деле подвизаются в частном бизнесе. Это были единственные люди, которые поставили не на обман, а на дело. Они, пусть в игре, по-разному, но стали ДЕЛАТЬ ДЕЛО (катали на руках, брались обдывать тех, кому жарко - добросовестно, пиджаком, даже пытались ПРОИЗВОДИТЬ - сувениры). И деньги они заработали.

ВЫ В СВОЕЙ ЖИЗНИ ДЕЛАЕТЕ — ЧТО?

Как ни крути, а чем больше лет мы на свете живем, тем все больше отношение к нам окружающих (и, в первую очередь, наше собственное) основывается на том, какое дело мы делаем (не рассуждаем о нем, не предполагаем-планируем, а реально делаем, с видимыми результатом). И планы на будущее наши имеют тем больший вес, чем больше серьезных планов прошлых уже воплотились в жизнь.

☺ Говорят, гений — это одна часть таланта и девять частей тяжелого труда.

А если человек в свои тридцать с гаком только и носится с очередными прожеками (доводить которые до конца ему из года в год — «неинтересно»), то мы ему, наверное, улыбнемся. И — вернемся к своим делам. Настоящим, повседневным. Из которых и складывается дело большое.

☺ Например, дело жизни. Или — этого периода жизни.

Кстати, Уважаемый читатель, если вы сейчас отвлечетесь от чтения и захотите составить список того, что уже появилось в этой жизни благодаря Вам — дел, итогов, объективных результатов, фактов, которых не было бы без Вас — что окажется в Вашем списке? Прямо на сегодняшний день (а не в ближайшем будущем). Такого, к чему не нужны Ваши пояснения, что имеет ценность в отрыве от Вас лично, само по себе — что это будет? Если (не дай Бог!) Ваша жизнь закончится прямо сейчас — что Вы оставляете после себя?

☺ И насколько Вы этим довольны?

...

Правда, интересно?

Границы успешности

Кто успел, тот и...
Поговорка.

Не я один без личностного смысла...
Д. Леонтьев

Делать дело, конечно, штука хорошая, но как-то ненавязчиво возникает вопрос: «а какое дело-то делать»? Чего хотеть? И вопрос этот — об успехе. И об успешности. Быть успешным в наше время модно. Настолько, что вопрос о том, что это такое и зачем, обычно как-то и не возникает.

☺ И так все понятно: «Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным».

И получается, что быть успешным нужно ради самой успешности. «Зачем быть здоровым и богатым? Что за вопрос! Чтобы быть здоровым и богатым!» А зачем? Быть здоровым и богатым нам нужно, чтобы — что?

☺ Чтобы жить дольше, жизни радоваться, на лечение не тратиться, на тачке крутой кататься, девочек использовать... по назначению, мир посмотреть и себя показать, — подсказали мне. Правда, знакомо?

И начинается гонка: большие заработки, квартира, машина («тачка»!), рестораны и модные клубы, престижные спектакли, кинофильмы, авторы и знакомства, красивая и дорогая одежда, «крутой» boyfriend...

⌚ Zippo, Rolex, BMW и Porsche, Captain Black, Visa Gold, Pentium III, Довлатов и Пелевин, Hi-end, Parker, Кустурица, Араки и Виктук (или Бурлюк?), Кастанеда и Борхес, Fisher, Head и Wilson, музыка, Юдашкин, Versace и Dior, Hugo Boss, Tom Claim и Tom Ford, Fendi и Reebok, парфюм, обувь, Martini, Gordon's, Jack Daniels и «Балтика», Dirol с ксилитом и Orbit без сахара...

А чтобы соответствовать, нужно больше денег, и, если не воровать, то — все больше работать. Так что на реальную «красивую жизнь» не всегда и время-то есть, и остается уже не столько этой жизнью жить, сколько знаки ее на себе — носить. Или просто знать, что они есть, и ты — «на уровне».

Не стоит думать, что такая гонка свойственна только людям недалеким. Раз за разом то на консультации, то просто «поговорить» появляются около меня люди, весьма неглупые, развитые и многого достигшие.

⌚ Не обязательно в смысле «Zippo».

Кто-то гордится должностью и вообще карьерой, кто-то — количеством людей, вовлеченных им в свой проект, кто-то упоминает о международных контактах и так далее. Все это вещи, достижение которых действительно требует усилий и дарования. Кто бы спорил. Правда, все это объединяет и еще одно: внешние проявления. Которые могут быть нужны — зачем-то. И которые теряют и цену, и смысл, взятые сами по себе.

Относительно недавно я был свидетелем того, как часа три изливал мечущуюся душу человек, чья внешняя успешность не вызывает ни вопросов, ни упреков в тупой вульгарности. Он хотел достичь, упирался, напрягался и — достиг. Он хотел иметь — и он имеет. И все это ему — осточертело, как раз за разом повторяющаяся компьютерная игра, где все ходы предсказуемы, и результат известен задолго до ее начала.

И как победа в игре имеет смысл только в рамках самой игры, проваливаясь в небытие с выключением компьютера, так и победа в своей собственной жизненной гонке оборачивается столкновением с оглушительным вопросом: «И что дальше?». Ведь игру ради призов, ценных в рамках самой игры, можно либо продолжать до бесконечности, пытаясь ценность этих призов — подтвердить, либо, наконец, закончить, обратившись к занятиям другим, разом обесценив все потраченные в игре усилия.

Теперь, когда мой собеседник умеет побеждать, достигать и иметь, он нервничает: «И это — все?».

К этому вопросу более или менее явно однажды приходят многие. И это — уже вопрос не об успешности как способности достигать успеха, а о том, что же это такое — успех? Успех вообще, успех жизненный, успех в деле и так далее. Ведь мы, глядя на знакомых и просто окружающих, для себя как-то определяем — успешно он живет или нет? Одна и та же жизнь может быть успешной с точки зрения одних и неуспешной с точки зрения других. Чья тут точка зрения будет нас интересовать — большего количества людей или людей наших взглядов? Или — самого человека?

⌚ И возможно ли, что человек (искренне!) будет считать свою жизнь удавшейся, хотя остальные сочтут его неудачником? И кто тогда прав?

В понятие «успех» можно вложить как минимум два значения: успех с точки зрения повседневных бытовых ценностей — карьера, деньги, квартира, машина, дача и так далее. Само по себе — не так плохо. Если бы человеку ничего такого, вещественного, вообще не хотелось, то и цивилизации бы, наверное, не было бы.

Но возможен и другой смысл слова «успех» — достижение того, что человек сам для себя считает стоящей целью. Того, относительно чего все цели и победы внешние — всего лишь средства.

⌚ А то и просто отвлекающая от главного в жизни ерунда.

И это не всегда совпадает с первым смыслом, а порой может и противоречить, причем ощутимо. Тогда, пожалуй, настоящим успехом можно назвать именно достижение своей, а не навязанной извне (мода, ожидания коллег и так далее) цели. Потому что если бы человеку не хотелось успеха в этом, втором смысле, его, возможно, и не всегда можно было бы назвать — человеком.

⌚ Другое дело, что очень часто эти две точки зрения можно совместить. И тогда, когда это возможно, пожалуй, стоит так и делать. Помня, однако, что точки зрения эти — неравнозначные. А какая из них более ценная — каждый решает сам. И сам за это в жизни расплачивается.

Предлагаю Вам, Читатель, поразмышлять об успешности-неуспешности людей в предложенных ситуациях. Быть может, Вам будет легче понять и то, что движет в жизни Вами самим:

Кто успешен, а кто нет в этих случаях (и с чьей точки зрения?):

Девушка хотела работать парикмахером, но по настоянию родителей поступила в институт — на экономическую специальность.

Молодому человеку светило повышение по службе, но он ушел в коммерцию.

Он ушел в коммерцию, потому что на этом настаивала его жена: все, дескать, делают деньги, а ты в своей конторе хоть до начальника выслужись, таких не заработаешь.

Жена настояла, потому что хорошо знала мужа и видела, что он за место в конторе держится только чтобы хоть небогато, но стабильно содержать семью.

Девушка отличалась с детства выраженной склонностью к своему полу, никому об этом не говорила, а «как все» вышла замуж.

Та же девушка через два года совместной жизни развелась — супружеские отношения не сложились. Теперь живет одна.

Живет одна, но имеет постоянные отношения со своей подругой. Не афиширует.

Юноша видел себя художником, но рано женился и пошел работать автомехаником. В семье любовь и достаток, но на искусство времени нет.

Молодая семья, имевшая жилье в городе, переехала жить в село (деревню). Потеряли в зарплате и в престижности работы. Считают себя в выигрыше.

Молодой человек долго копил деньги на машину. И купил. Но — жене. Стиральную. И летний отдых на море. Ездит троллейбусом.

Список примеров можно продолжить.

Интересно, что осознание своей успешности, то есть принадлежности к успеху с возрастом все больше связывается с результативностью своей собственной деятельности, с продуктивностью своих усилий, и все меньше — с везением.

⌚ Бывает, что везение даже разочаровывает: если человек хотел выяснить, на что он способен сам, а ему — повезло.

Везунчик может и в своих глазах и в глазах окружающих людей успешным — не быть. Мало ли в чем ему везет! Если не в том, что для него важно и ценно, то к успеху его жизни такое везение мало что прибавляет.

Кстати, и успешный человек может быть невезучим. Один мой добрый знакомый уже смирился с тем, что для достижения желаемого ему всякий раз приходится работать в полтора раза больше, чем человеку везучему. Не то, чтобы ему специально не везло, но и везения как такового, тоже не обычно не бывает, и весь путь к успеху приходится идти, что называется, «на веслах», а не под парусом. И тем не менее, делает он в жизни куда побольше иного везучего своего приятеля. И жизнью своей, по большому счету, доволен.

⌚ Хотя в фоновом ворчании находит, похоже, для себя особое удовольствие.

Словом, похоже, что об успешности своей человек судит по тому, насколько у него получается самое для него — важное. А это у всех по-разному. Кому-то важно то, что важно его друзьям. Кому-то — заслужить похвалу родителей. Кому-то нет ничего ценнее, чем мир и покой в семье. Кто-то дни и ночи проводит на работе. Кто-то умело делает деньги. Кто-то живет «красиво». А остальное всякий раз может оказаться если не забытым-заброшенным, то, по крайней мере, не принципиальным для самооценки. Обычно в жизни человека таких, самых важных для него, направлений в жизни — несколько.

⌚ Не слишком много: иначе все труднее их между собой мирить-согласовывать.

И человек живет в мире с собой, если эти, зовущие его к успеху ценности друг другу не противоречат — по моральным, временным, денежным или физическим затратам. А вот если мирно договориться внутри себя не удается, у человека случается душевный конфликт. Стресс.

И вот добрый семьянин и хороший сотрудник разрывается между недовольной его зарплатой и частыми задержками на работе женой и просьбой коллег о помощи. Гордая и влюбчивая девушка дергается между «жду звонка» и «сама не позвоню никогда». А стильный парень заранее переживает насмешки знакомых оттого, что хочет просто и совсем не «стильно» жениться.

☹ *Сопутствует ли Вам в жизни успех? А в чем это выражается?*

Легче всего понять, что в действительности лично для Вас в жизни теперешней всерьез ценно и лежит в основе веры (или неуверенности) в собственную успешность, можно обратившись к тому, что Вы считаете — неудачей. Неудачей действительно огорчающей, обидной, заставляющей сомневаться в себе, в своем завтрашнем дне. Возможно, Вам будет интересно подвести своеобразный итог: что Вас по-настоящему расстроило в последний месяц? Только не перепутайте внешние и внутренние слои: если Вам повысили зарплату меньше, чем вы рассчитывали, это может быть огорчительно или само по себе, или потому, что жена будет пилить, или потому что не хватит денег на новый сноуборд, или еще по каким причинам и их сочетаниям. То есть честно признайтесь себе по каждому пункту: что именно Вас расстроило. И тогда вы сможете, глядя в свой список, сделать вполне объективный вывод: что, какие ценности определяли Вашу жизненную успешность как минимум в последнее время.

☹ *Можно повспоминать и за год, и за пять лет: займет больше времени, но и выводы позволит сделать более глубокие.*

КАЖДЫЙ СТОИТ СТОЛЬКО, СКОЛЬКО СТОИТ ТО, О ЧЕМ ОН ХЛОПОЧЕТ

А заодно уж и ответьте себе на вопрос: насколько часто и какие Вам нужны доказательства, что Вы — «в порядке»? И чего Вы — достигли?

Жить, как все или — как?

*Я не знаю правильных ответов. Но, быть может, я знаю правильные вопросы.
???*

*Мечтать — не вредно.
Так говорят.*

Если вам однажды захочется отвлечься от бурных и плодотворных (или не очень плодотворных) усилий, повседневных забот и дел, от фонового жужжания всего, что вас окружает, то, возможно, вам придет в голову поинтересоваться у самого себя: а какой он — тот мир, в котором вы хотели бы жить?

☹ *И в направлении к которому, когда вы в жизни хоть что-то делаете, вы, собственно говоря, и живете.*

Многие люди, которых я знаю: люди неглупые, жизнерадостные раздраженные, деловые, беспечные, озадаченные, серьезные и не очень, словом, люди разные, — прилагая изрядные усилия и озабоченные тем, чтобы у них что-то обязательно получилось (а иначе беда!), обычно не только не задумывались, но и, задумавшись теперь, не всегда могут ответить на один вопрос. Вопрос такой: «Если бы все было хорошо, просто здорово, то это было бы — как?»

☹ *Какие люди были бы вокруг, как бы складывались ваши отношения? Что бы вы переживали? Чему бы радовались, а если бы плакали, то о чем? Какие праздники бы вы праздновали? Можно ли было бы оставить халат на пляже, отходя за мороженым. И бывали ли бы вы на пляже? И какое это было бы мороженое? Как бы воспитывали детей, и были бы у вас дети? Какие? Словом, какой бы окружал вас мир, и каким бы вы были в этом мире?*

Представьте себе такой мир и Вы, Читатель.

...

Представили? Правда, здорово? (Если нет, представьте подробнее, в деталях). А теперь вспомните мир — этот, сегодняшний. И еще вспомните, что вы в этом, нынешнем мире делаете. Как вы проводите свою жизнь? Какие ведете разговоры? С каким настроением встаете утром (или когда встаете)? Чего ждете от людей, и какими они сами по себе и по отношению к вам оказываются? Во что верите в течение дня?

☹ *"I saved the World today"?*

Что далеко ходить, вспомните подробно сегодняшний день: что вы делали? Какой был от вашей деятельности — результат (большой и много маленьких)? Или — когда последний раз такой результат был? Иначе говоря, какой вы делаете мир вокруг себя? Что привносите в него? Что изменяете в нем? Надолго ли это — то, что вы несете в мир своим существованием в каждый его миг, задумываясь об этом или нет.

Это похоже на тот замечательный мир, который вам представлялся вначале?

⌚ *В разных смыслах этого «вначале».*

Интерес нашей жизни, среди прочего, заключается в том, что мир вокруг себя более или менее активно мы создаем постоянно: и когда понимаем, что и зачем делаем, и когда вовсе об этом не задумываемся. И мир — какой-то — вокруг нас получается-строится тоже постоянно. Каждый наш шаг — это шаг туда, куда хочется? Или — куда придется? Наш мир получается стройный и гармоничный или просто навален кучей случайностей?

⌚ *Архитектор спяну размазал тушь по чертежу. Строитель тоже не стал вдаваться. Так и построили...*

Конечно, «мы предполагаем, а Бог — располагает». Всегда можно сказать: «Мало ли, чего хочу я, о чем я мечтаю! Надо жить в мире реальном и не рыпаться. Поэтому я не верю в сказки и не разрешаю себе увлекаться утопиями.»

⌚ *Я себе — не разрешаю.*

Мы запрещаем себе разное: подойти к тому, кто нам нравится, посметь начать жить иначе, одеться по-другому, чем обычно (не поймут, засмеют), претендовать на ту работу, которую делать хочется, заговорить с незнакомым, запрещаем исправить чужую ошибку, помочь просто так, без причины, запрещаем себе мечтать. И по большому счету, и — на бытовом, повседневном уровне. Запрещаем претендовать. Стремиться.

⌚ *Сказки! Утопии! Ищите дураков!*

Запреты эти не всегда возникают сразу. Прекрасные порывы молодости заботливо обламывают уже обломанные товарищи. Из лучших, разумеется, побуждений. Вот молодой учитель пришел в школу и начинает работать от души, как лучше. Но... Есть планы и документы, есть завучи, есть, наконец, устоявшаяся практика. («Что тебе надо? Мы всегда так делаем!»).

Речь не о революциях и бунтах. И вообще не о потрясении основ. Речь — о том, с чем приходится сталкиваться каждый день. К примеру, можно добавить свою пивную банку в общую кучу мусора, а можно — донести до урны. Не убрать кучу, а просто — донести свою банку. Не переделывать других, а — делать дело свое. Что порою этих других, кстати сказать, законно раздражает: «Мы, как нормальные люди отступили, а ему больше всех надо, что ли?»

⌚ *«Ученый, сверстник Галилея, был Галилея не глупее. Он знал, что вертится Земля. Но у него была семья» — Е. Евтушенко.*

По большому счету вариантов здесь три. Первый: быть и жить «как все». Плюсы очевидны, но есть и минус: чем дольше продолжается такая жизнь, тем все ниже в самой глубине души оценивает себя человек. Внешне это может прикрываться снобизмом, зазнайством, надменностью и жесткой проповедью принципа «как все». Внешне. Но внутри тоска будет лишь усиливаться.

Второй вариант, соответственно, жить «не как все». Идти впереди, прокладывая путь, закладывая основы, словом, во всех внутренне важных обстоятельствах идти «своим путем». Минусы очевидны. Плюсы: в мире появляются Пушкин и Толстой, Моцарт и Шнитке, Дали и Пикассо, Ломоносов и Эйнштейн, Махатма Ганди и Зигмунд Фрейд...

⌚ *Равно как и, впрочем, преподобный Мун и Рон Хаббард, Секо Асахара и Билл Гейтс, а также разного рода твердокаменные фанатики и убежденные (а потому не менее твердокаменные) их ниспровергатели — все они твердо знали, какая жизнь — их. И какой мир вокруг себя они хотят видеть. (Или — какой видеть не хотят ни при каких обстоятельствах).*

Третий вариант, как обычно, промежуточный. Лучше всего для его описания подходит такое высказывание: «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека». И тогда я волен решать, как и в каком мире я живу, до тех пор, пока это реально (а не в воображении) не затрагивает человека другого. То есть свобода строить мир у меня все-таки есть. И у этой свободы есть — пределы. А если эти пределы кто-то посторонний хочет сузить, то уже его свобода начинает наступать на мою. И ограничиться придется — ему.

Мы можем делать вокруг себя такой мир, какой действительно хотим. Нет гарантии, что он таким будет. Но делать мы его — можем. Не в космическом, а во вполне бытовом, повседневном смысле. В том, в котором мы с миром — соизмеримы. А можем — и не делать. И бессмысленность попыток «прогнуть мир» тут не при чем. Просто мы решаем для себя: живем, как живется или чего-то еще — хотим.

⌚ *Вычерпывание воды из дырявой лодки не заделает дыру. Но доплыть до берега — поможет.*

Все это мы — можем. А вот уже будем или не будем, и чем за это будем платить — это наш выбор. Выбор между тем, что есть, и тем, что по-нашему — хорошо. Выбор между обстоятельствами и волей, если хотите.

☺ *Даже если вас съели, у вас есть минимум два выхода.*

ВЫБИРАЕМ КАК ЖИТЬ — САМИ. УВЫ? УРА?

Приведенные здесь три варианта отношений с миром и жизнью не являются ни правильными, ни базовыми. В своей, настоящей жизни читатель, без сомнения, найдет вариант свой. И не один. И в этом тоже будет — свободный выбор.

Как учиться жить

*Когда нас учит жизни кто-то
Я враз немею.
Житейский опыт идиота
Я сам имею.
Игорь Губерман.*

Учить жить — дело заведомо неблагодарное, и у окружающих оно часто вызывает опасения.

☺ *Относительно душевного здоровья обучающего.*

Тем более, если мы начинаем учить жизни своих близких. Родителей, например, или супругов. Да и дети не всегда в восторге.

☺ *Можно услышать, к примеру, такой обмен репликами:*

— Вот Будда на твоём месте...

— Иди-ка ты лучше ведро вынеси, бодхисатва хренов!

А вот учиться жить — дело другое. Особенно если нас интересует возможность «делать дело» и вообще жить в мире и среди людей, а не в самом себе. Причем учиться можно по-разному. Есть, например, метод проб и ошибок, когда каждую новость об устройстве мира человек получает, что называется, выстрадав. Поскольку человек не лошадь, и учиться с первого раза получается не всегда, пробы и ошибки на одном и том же месте могут происходить неоднократно — пока их автор наконец не обратит на это внимание. Тогда и научится. То есть разберет ситуацию и сделает выводы.

☺ *По принципу: если ты всегда делаешь одно и то же, и получаешь одинаково скверный результат, то уже пора сделать что-то другое.*

Кстати, не факт, что выводы эти не будут очередной пробой-ошибкой. Ведь они делаются на основе какой-то неявно предполагаемой информации, которая тоже может быть ошибочной. Тогда цикл будет повторяться. Возможно, что и всю жизнь. Вот, к примеру, девушка Инна неудачно влюбилась, и молодой человек, что называется, «поматросил и бросил». А потом другой молодой человек — и то же самое. Инне очень обидно и больно в душе. И она делает вывод (не всегда осознанно): мужчины — причина боли и обиды.

☺ *Они бросают бедных девушек.*

И чтобы этого избежать, нужно — избегать мужчин, держать их на дистанции. И постоянно контролировать ситуацию. Инна, разумеется, не дура, и от контактов с мужчинами полностью не отказывается (родители не поймут, подруги тоже), но и близко их не подпускает. А если кому-то случится — по случайному недосмотру — оказаться уж очень рядом, Инна последовательными и планомерными действиями (и, что интересно, опять-таки не всегда понимая, что делает) этого «счастливицу» доводит до расставания-ухода. И вывод ее о том, что мужчины бросают-уходят, благополучно подтверждается. Так метод проб и ошибок делает из случайности — закономерность, а потом организует жизненный опыт так, чтобы эта закономерность подтвердилась.

☺ *Никто не утверждает, что такое происходит всегда. Но такое — происходит.*

Если бы никакого другого способа учиться жизни, кроме вышеописанного, не существовало, то так и маялась бы Инна в кольце «проба — ошибка — вывод — и новая проба, предполагающая ту же ошибку». Если бы информация о мире была для нас ограничена только и исключительно нашим собственным опытом, в таком кольце металось бы большинство из наших знакомых, включая, вполне вероятно, и нас самих.

☺ *И Вы, предположу, таких людей вспомнить можете, даже и не особенно напрягаясь. Иногда это даже сопровождается идеологическим обоснованием: «Со всеми трудностями я должен справляться сам. Живу своим умом!»*

К счастью, в реальности пробы и ошибки — далеко не единственный способ постижения мира. Потому что вокруг есть еще люди. Во-первых, они тоже делают ошибки и выводы. И вместо того, чтобы слушать их рассуждения, мы можем сначала посмотреть на результаты этих рассуждений в их собственной жизни и в жизни их окружающих, а уже потом решать, нужны ли нам такие результаты и, как следствие, такое знание о жизни.

☺ *То есть такая теория, которая и обеспечила эти результаты.*

Потому что, если дядя Петя постоянно проповедует во дворе особую систему здорового образа жизни — проповедует ярко и убедительно — но на глазах хиреет, чахнет и зачастил по больницам, то, вероятно, особенно вдаваться в подробности его системы мы не будем. А дяде Пете — посочувствуем. Или если юный красавец с атлетическим торсом из студенческой группы рассказывает в курилке как надо обращаться с девушками, а мы, внимательно присмотревшись, обнаруживаем в его уже существующих отношениях с подругой печальное отсутствие душевного тепла и близости, а вместо них — показуху и стремление «соответствовать», то, возможно, и рассуждения его нас не убедят.

☺ *Хотя звучать могут очень привлекательно.*

Словом, учиться, как известно, можно и на чужих ошибках. По принципу: «посмотри внимательно и так не делай». Можно эти чужие ошибки анализировать и классифицировать, разбираясь где именно закралась погрешность. А можно просто «пойти другим путем». Тогда вопрос — каким? Если, конечно, не старым добрым путем проб и ошибок?

На нашу радость среди окружающих людей (если мы уже вышли из подросткового периода всеобщего отрицания авторитетов) есть те, чья жизнь хотя бы с какой-то (интересующей нас) стороны нам нравится. То есть работает так, как мы бы хотели, чтобы работала жизнь наша. Значит, можно учиться не только на чужих ошибках, но и на чужих достижениях. Помня, впрочем, о том, что люди — разные.

☺ *Вот НЛП, к примеру, так себя и рекламирует, как способ понять и устойчиво воспроизводить технологию чьего-то успеха.*

Отсюда очень интересный вопрос: а как учиться на чужих достижениях (по сути, учиться быть другим), не теряя самого себя? Ведь сущность большинства действительно удачных и сильных жизненных стилей — это именно стили, способы жить — не в каком-то одном конкретном техническом решении, а во всех (или подавляющем большинстве) повседневных действий, которые просто так, на уровне постоянного самоконтроля не воспроизведешь.

☺ *То есть воспроизвести-то можно, но потеряется самое основное: естественность и легкость такого поведения. То есть — стиль жизни превратится в грубый рисунок. Овчинка вряд ли стоит выделки.*

Вот неуверенный в себе и в жизни молодой человек копирует способы поведения своего более удачливого однокурсника, подходит к девушке его походкой, говорит его голосом и словами, очень похоже наклоняет голову и... ничего хорошего не получается.

Потому что копирование — не проходит. Копию, что называется, за километр видно. Неестественно! А почему? Потому что все то, что внутри, за тщательно контролируемые движениями — от другого человека. И это несоответствие выпирает буквально во всем.

☺ *Как попытка петь альтом у оперного баса.*

Если мы хотим использовать успешные стороны окружающих людей, копировать-подражать недостаточно. Надо — быть этими людьми. А как? Если мы, к тому же, не хотим потерять себя? Тут все не так просто.

В основном, надо быть (внутренне, от души) тем человеком, чьи успехи нас интересуют — именно в той его части, которая эти успехи обеспечивает.

☺ *Правда, уже легче?*

Но как это — «внутренне быть тем человеком»? Как это сделать? Чем это отличается от копирования?

Это отличается. Отличается именно в том смысле, с которого мы и начинали этот разговор: человек не станет учить нас жить. Но мы у него учиться — можем.

ГОВОРЯТ, НЕЛЬЗЯ НАУЧИТЬ, НО МОЖНО НАУЧИТЬСЯ

Однако, этому есть препятствия внутри нас самих. Во-первых, это требует сил. Во-вторых, времени. А в-третьих, и это обеспечивает первые два — нужно желание. Есть разница между «очень хочу» и «не против». В нашем случае «не против» никого не интересует, потому что никто и не предлагает. Здесь

важно именно «очень хочу». Если мне что-то и в самом деле очень надо, и есть у кого научиться, то уж силы и время, я, должно быть, найду.

① *А если нет — так ли уж мне это надо?*

И, наконец, в четвертых, нужно делать. То есть не просто размышлять и переживать, а приступать, напрягаться, сравнивать направление и промежуточные результаты с тем, что должно получиться, и продолжать.

Хорошо, допустим, большое желание, силы, время у нас есть. Делать готовы. И что все-таки делать? Тут есть такой ответ: если ты хочешь чему-то научиться, то сначала нужно принести в жертву свое незнание. А потом — свое знание. О чем это?

Если, скажем, нормальный (то есть в меру озабоченный тем, как он выглядит в глазах окружающих) молодой человек — Геннадий, допустим, Валентинович — всерьез захочет классно играть в волейбол (а до этого он спортом не занимался вовсе или играл, скажем, в шашки), то первое, что ему придется сделать — это позволить себе оказаться и показаться тем, кто он есть на самом деле на волейбольной площадке — неумехой. То есть, признать и, не зажимая себя, показать свое незнание. Потому что если Геннадий Валентинович будет изображать на площадке крутого волейболиста, который «и так почти что мастер спорта», то вместо того, чтобы учиться у тренера, ему придется изо всех сил стараться этого тренера — обдурить.

① *А тренеру это надо? Будете просто врать, он перестанет обращать на вас внимание, станете мешать — отправит куда-нибудь подальше. Потому что если это вам что-то нужно от человека, начинать игру «кто из нас круче» не имеет смысла. Если ты «круче», то чего пришел? А если нет, то чего выпендриваешься?*

Для большинства из нас показать себя незнающим, неумеющим, неловким и так далее с возрастом все труднее. Но если мы хотим научиться чему-то всерьез (в том числе и навыкам человеческим, психологическим), начинать надо с нуля, с чистого листа. Отодвинув (временно) в сторону все то, что хочется подставить от себя. То есть — принеся в жертву — знание.

① *Народ, изучающий второй иностранный язык, часто норовит подставить нехватящие слова из первого, уже изученного. Создается иллюзия знания. Но — иллюзия. Знакомо?*

Итого, нужно не только в мыслях, а совершенно открыто, в поведении и словах, признать, что ты не знаешь того, чему хочешь научиться, и — мысленно отбросить то, что ты знаешь по любому другому поводу. Тогда не придется делать двойную работу: учиться, обходя заборы уязвленной самооценки. Иначе это и звучит: хочешь научиться делать то, что умеет мастер, стань им. Тогда и будешь делать как он — изнутри, от внутреннего, приобретенного, принятого в заботливо освобожденное для этого место — естественного знания.

Но и это еще не конец. Потому что, приобретя мастерство (то есть устойчиво проявив его в реальной жизни — сравнившись хотя бы со средним мастерским уровнем), нужно еще сделать его — своим. Вспомнить все то, что знал раньше и все эти знания (включая новое) согласовать. Вернуться от естественного вживания в стиль чужой, к своему, новым знанием измененному, но внутренне, все-таки более органичному. И если тот же Геннадий Валентинович, научившись всему, что хотел, у тренера, в игре своей добавит хитрость игрока в шашки, то на площадке он будет играть уже в своем собственном, удобном ему, но — классном стиле.

ЧЕМ СПОКОЙНЕЙ ТЫ ПОЗВОЛИШЬ СЕБЕ БЫТЬ И КАЗАТЬСЯ НЕУМЕХОЙ ПОНАЧАЛУ, ТЕМ БЫСТРЕЕ СТАНЕШЬ — МАСТЕРОМ

Пример с волейболом, конечно, не означает, что все это работает только в спорте. Таким путем (в широком смысле) обретается не только профессиональное мастерство, но и просто человеческие качества: пойми, чего в тебе нет или мало. Найди того или тех, в ком этого столько, сколько нужно. Освободи в себе место и время. Прими как свои наиболее значимые для него черты жизни: образ мыслей, интересы, навыки поведения, научись «быть им» внутри себя так, чтобы легко и непринужденно предугадывать мысли, чувства, поступки своих «учителей», чтобы твои внешние проявления были изнутри органичны и естественны. А затем — освободись от того, что для этой естественности не обязательно, вернись в себя, но уже — изменившегося.

Как-то на одном из занятий в клубе парень сурового вида заявил: «Вы тут просто маски примеряете», а на самом деле ничего не меняется». Человека, мол, вообще не изменишь. В каком-то уж очень глубоком смысле он прав.

☺ *В том самом, в котором все люди вообще одинаковы. И все в масках.*

Однако, если человек долго и упорно вживается в роль, скажем, музыканта, учится технике, ищет и находит в себе любовь к музыке, упражняется, пробует и находит свое, то однажды он уже будет не человеком в роли музыканта. Он будет — музыкантом. И он будет собой настоящим.

А если юноша или девушка хотят быть хорошими мужем и женой, хотят всерьез и много чего для этого делают, имея в виду пример семей, которые им нравятся, то их шансы не просто хотеть, а быть — замечательной семьей — весьма велики. Разве не так?

Откуда я знаю, кто я?

It's the way I am.

Говорят американцы.

Не пересдашь не ту самооценку...

Да?

Помню интересный разговор:

- А может так быть, чтобы у человека не было врагов?
- Может. Только тогда и друзей не будет.
- Почему это?
- Потому что, если ты в своей жизни никак не проявляешься, то ты, в глазах окружающих — никто. До тебя никому нет дела. Тогда и врагов нет. Но потому же — и друзей.
- А причем тут пустое место? Может, я всех люблю.
- Если ты не просто «любишь», а хоть как-то это показываешь, найдется тот, кому это не понравится.
- А тот, кому понравится?
- Тоже.

Читатель! О чем этот разговор?

По-моему, это о том, как мы оказываемся для кого-то — кем-то. И вообще, кто мы и для кого. И — кто мы для самих себя.

На одном из клубных занятий шло долгое и бурное обсуждение: имеет ли значение то, что у человека внутри, или только то, что проявляется в мире?

☺ *А как по-Вашему?*

Милая девушка никак не могла смириться с тем, что ее духовные искания и высокие ценности могут быть никому не интересны и не ценны, если в жизни других это никак не проявляется и никого не затрагивает. Она сердилась и краснела, доказывая, что лично ей важно знать себя именно такой, и если кого-то это не устраивает, то этот кто-то может пойти погулять. Договорились вот до чего: для самого человека, для его знания о себе, важно и то, что происходит у него внутри, и то, что он делает в повседневном мире. Окружающие же сталкиваются лишь с внешними проявлениями, и их знание о человеке опирается именно на то, что они видят, слышат, чувствуют.

К тому времени, когда мы уже можем что-то критически осмысливать, в нашем внутреннем мире скапливается довольно много разной информации о том, кто мы такие: из детства — от родителей, из школы — от учителей и одноклассников, от ребят из своей компании, затем — от людей своего круга. То есть, так или иначе от тех, кто как-то нас — оценивает. Хороший ребенок, хороший ученик, настоящий друг, клевый пацан, хороший человек... Или — несносный ребенок, двоечник и «трудный» подросток, ябеда и задавака, изгой, скверный, неприятный человек. А еще талантливый или бездарный, трудолюбивый или лодырь, везучий или нет, любимый или нет, добрый или пакостный, сильный или слабак, здоровый или дохлый, подающий надежды или внушающий опасения...

Словом, когда у нас всерьез начинается работа над выяснением «кто я», главное в этой работе — не строительство того образа, который хочется, а разбор и капитальная уборка того, что навалено-наброшено в это «Я» всей предыдущей жизнью. И, кстати, нет никаких меток-ярлыков, что в этой свалке нужно и очень верно, а что сюда затесалось вообще непонятно откуда.

☹ Или понятно: красивую скромную девочку ее менее удавшиеся на лицо одноклассницы дружно травили из года в год: «уродина». Это знание очень значимо для нее, хотя и вовсе ей не нужно. Просто так она от своей «уродины» не откажется — слишком много с этим связано-пережито.

Поэтому, после долгих метаний и принятия на веру то одних, то других важных и авторитетных для нас суждений, нам становится необходимо найти внутреннюю точку отсчета. Такую, с которой согласуется все самое важное и нужное, что нам к этому времени о себе известно. А то, чтобы понравиться девочке (у которой весьма свои представления о твоей хорошесть, напрямую связанные с тем, что хорошего ты сделал или можешь сделать ей лично), нужны качества одни, а друзьям — другие. А родители смотрят с добродушной усмешкой или озабоченной гримасой и ожидают третьего. А неблизкие окружающие (например, коллеги или начальство) — интересуются и вовсе четвертым. И очень мало кого из них интересует твоя внутренняя гармония и поиски себя.

☹ Точнее, они зачастую ищут что-то в тебе для себя. Поди всем угоди!

Внутреннюю точку отсчета можно взять в разных местах. Например, знание о том, кто такой «Я» в самой глубокой своей сути, может быть основано на одном очень сильном переживании, счастливым или несчастливом. Иногда даже — на случайной фразе, сказанной в таких обстоятельствах, которые по разным причинам сделали фразу грандиозно важной и убедительной.

☹ Отец в минуту сильного расстройства убежденно высказывает сыну-подростку: «Ты ни на что не годен, из тебя ничего не выйдет!» Сын злится, краснеет, хлопает дверью, а слова — впечатываются в память. И каждая случайная неудача теперь не будет оставлена без внимания, и память будет заботливо удерживать именно то, что докажет: отец был прав.

И кажется, да разве можно всерьез жить из вот такого, необдуманного и часто впрямую к человеку не относящегося заявления. Увы, люди, которые приходят на прием к психологу не так уж редко, заставляют убедиться: можно. Можно принять в себя на глубину «Я» и еще менее обоснованные заявления. Если из каких-то мстительных побуждений интересующий девушку молодой человек хлестко скажет ей, что и смотреть-то на нее нельзя без тошноты, даже это может оказаться для задетой за живое, за самое живое «Я» девушки — флагом, поднятым над всей жизнью — всерьез и надолго.

Другой способ обрести в жизни определенность, найти точку опоры — это выбрать себе Путь. Прямой и светлый. Раз и навсегда. Желательно, чтобы по нему уже шагали многие люди, готовые поддержать и разъяснить, если что не так. Способ этот чем хорош: свои собственные усилия по поиску и проверке ответов на жизненные вопросы можно почти и не прилагать. Мудрые люди уже позаботились и о том, что тебе хочется спросить, и какие ответы найти. Все определено. Жизнь — понятна и предсказуема.

☹ И комфортна: знать кто ты и куда ты идешь — это очень греет. И нервы в порядке. Зачем человек живет? Да это ж просто, вот слушай... Непросто, говоришь? Посмотри на меня: я тебе говорю — все просто. Значит, так...

Единственная проблема, чем дальше живешь, тем все чаще неоднозначность жизни заставляет — страшно сказать — сомневаться. Ну да ничего, это все искушения и испытания. Надо лишь сохранять нерушимую верность избранному Пути. А остальное — не моя головная боль. Кстати о головной боли. Если кто жизнью своей мой Путь ставит под сомнение, то его от греха надо — запретить. А еще лучше — наказать и запретить. Тогда и мне в моем Пути выйдет подтверждение.

☹ Читателю это ничего не напоминает? Ну да, цвет флагов и ярс-простыней может быть разным. И на портретах могут быть как усы щеточкой, так и бусинка во лбу, например, Марии-Девы. Главное в другом: трудить себе голову сомнениями о своей жизни уже не приходится. И на том спасибо.

Впрочем, вдумчивый читатель наверняка вспомнит вокруг себя куда менее одиозные, но тем не менее внутренне из той же области примеры: сосед, для которого «все фигня, кроме математики, потому что за математикой — будущее», девчонка, тратящая ночи в пьяном возбужденном полумраке дискотек: «в жизни ничего нет, кроме удовольствий, так что напрягаться» — это ведь тоже вариант Пути, то есть окончательной ценности и Главного Учения, как его ни назови. А мама, живущая только и исключительно в своего ребенка — в Ребенка! — не нашла ли и она свой единственно верный Путь? А, наконец, целеустремленный молодой человек, преумножающий и преумножающий свое достоинство, имеющий и имеющий и не ведающий вопроса «зачем?». Еще бы, деньги не обманут!

Много вокруг нас людей, нашедших себя в Главном Правиле Жизни, высшем свете, в служении своим (соратникам, родственникам, ученикам...), идущих, не моргая и не сворачивая по своему Пути. И кстати, если Путь этот не вредит окружающим (а возможно, еще и в чем-то полезен), то мы с Вами, наверное, будем совсем не против. Если людям так легче...

Есть и еще вариант утвердить для себя точку отсчета: быть тем, кем тебя считают.

☹ «Считайте меня гадким — Да! Я готов на гадости! Ух! Я готов на гадости», — Карабас Барабас.

Считают на работе ответственным и усердным молчуном — отлично! Это я и есть! Дома, говорите, я резкий и за словом в карман не лезу? Точно, это я! С девушками слегка мямля? Ну что ж, значит судьба такая.

Тут очень важно, чтобы разные окружения (коллеги, домочадцы, друзья, девушки) не пересекались — а то, того и гляди, пересекутся и роли-знания о себе. Этак и в ступор впасть недолго. Зато, в остальном, опять-таки напрягаться в поисках себя нет нужды: какой именно сейчас «Я», я узнаю, как и некогда в бурном подростковом возрасте — от окружающих. Мне лишь остается скопировать тот образ, который они уже создали-предвосхитили. А будут недовольны — сами виноваты. Не жизнь, а...

☹ ... а что, кстати?

Ну, и что же делать? Если не клеить на себя ярлыки, не подклеиваться ярлычком на Самое Большое и Светлое и не работать зеркалом? Откуда знать, кто и какой этот «Я»?

И снова хочу обратиться к одному из обсуждений на занятии в клубе. Там вообще-то много чего интересного можно услышать, а по таким темам — особенно. Рассуждает Алексей:

— Совсем к людям не прислушиваться — это, наверное, не вполне правильно. Равно как только и делать, что смотреть и предугадывать, как они сейчас на тебяотреагируют. И то, и другое — большая нервотрепка. Обычно в жизни получается умнее: я к людям прислушиваюсь. Но больше всего — к тем, которых сам для этого выбрал. И это разные люди. Кстати, не всегда друзья. И если то, что я делаю, вызывает вопросы у многих из них — пора задуматься и мне. А если у этих, разных по стилю жизни и взглядам, но уважаемых мною людей что-то обычно вызывает одобрение: наверное, я делаю то, что надо.

Хорошо, Лёш, а как ты их — этих людей — выбираешь?

А! — тут Алексей улыбается, — я выбираю таких, в которых точно есть то, что бы я хотел видеть в себе и других людях. И в которых это очень выражено, своего рода эталон. Или которые обладают даром такой эталон выражать. Вот мама моего друга очень мудрый человек. Она редко возражает, но уж если возразит, значит и в самом деле стоит задуматься. Сам друг — исключительной порядочности. Если он где поморщится, на это и в самом деле стоит обратить внимание. А моя жена невероятно чувствительна к фальши. Ну и так далее.

То есть, Лёш, ты как бы выбираешь себе зеркала, которые правильно и подчеркнуто отражают именно те качества, которые тебе в себе важны, и на эту обратную связь ориентируешься?

Можно сказать и так.

А на что ориентируются они, давая тебе обратную связь?

На себя и на меня.

То есть?

Они слышат, что я говорю, видят, что делаю, и выдают реакцию.

Понятно.

Дальше разговор пошел о том, что особенно важны и нужны если не враги, то хотя бы недоброжелатели — те, кому не нравится то, что ты делаешь, как ты живешь. Если, время от времени сравнивая свою жизнь с их высказываниями, ты вдруг поймешь, что на что-то не находишь честного и прямого ответа, самое время призадуматься.

А могут враги стать друзьями? И наоборот?

Могут: либо ты изменишь отношение к тому, что ты делаешь, либо они — жизнь-то меняется. И тогда враги могут стать друзьями. И наоборот.

Вот это последнее рассуждение мне особенно дорого. Потому что оно затрагивает, на мой взгляд, главное: окончательного «Я» не бывает. Более, того, стремление к такому «Я» попросту опасно.

☺ Если не для жизни, то уж точно — для ее качества. Недаром сказано: «В маньяках хороша принципиальность».

Мы с вами не раз, должно быть, сталкивались с людьми, чье представление о себе жестко и определено. С такими идеологами собственного «Я». «Я так не могу!», «Это не для меня!», «Я этого не перенесу!», «Для меня это недопустимо» или еще лучше: «Я не могу изменить себе!!!». Наконец, существует непростижаемое: «Просто я такой — и все». Вот так, ни больше, ни меньше.

☺ Понятно, что все лучшее в себе с течением времени хочется сохранить, а то и преумножить. Но цепляться за уникальность и неизменность собственного «Я» во ВСЕМ вообще — наверное, несколько... странно. А особенно устраивать себе внутренние разборки и наказывать себя за то, что это незыблемое и неизменное «Я» все-таки меняется.

Постепенно и постоянно, плавно и неуловимо наше «Я» меняется всю жизнь, и никакими заклинаниями о верности себе и своим принципам тут не поможешь. Да и не надо. Потому что нормальное развитие — спросите знакомого психолога — предусматривает кризисы роста, во время которых, среди прочего, изрядно меняются глубинные потребности человека, а вслед за ними — и обеспечивающие их убеждения. А там — и поведение. И если кто-то с титанической силой воли от изменений будет себя удерживать, то он в развитии — отстанет. Остановится.

И будет недоразвитый. А чтобы этого особенно заметно не было, начнет усиленно удерживать от изменений других. Так получаются догматики и фанатики.

Давайте успокоимся на том, что окончательного и бесповоротного собственного «Я» нам не найти. И с этим, как мне кажется, надо не просто смириться, этому надо радоваться. Потому что благодаря этому в нашу жизнь может приходить новое и просто разное. Ну и, опять-таки развитие — дело не последнее.

«Я» МЕНЯЕТСЯ НЕУЛОВИМО И ПОСТОЯННО

Однако это не повод на свое «Я» вообще не обращать внимания. Просто время от времени с ним приходится как бы знакомиться заново. И новые возможности — использовать. Так и живем.

Живущие рядом

Куда уходят дети

*Жестоки наши дети, но поверьте,
Что вслед за тем у них родятся внуки.
А внуки — это кара нашим детям
За нами перенесенные муки.
И. Губерман.*

*Не учи отца — и баста!
Говорил Н. Фоменко.*

Давайте сразу поймем главное: дети от родителей уходят. Уходят по-разному: кто-то на другую квартиру, кто-то в другую семью, кто-то просто в свою, отдельную жизнь, даже если и продолжают жить вместе. Уходят по-хорошему и трудно, быстро и постепенно, окрыленными и надломленными борьбой за «свободу и независимость». Так или иначе — дети уходят.

☺ А если нет, то психологически подкованные окружающие за них беспокоятся. А не подкованные и попросту наклеивают ярлыки из области «маменькин сынок» или «старая дева».

Дети уходят не потому, что родители (не обязательно биологические, скорее те, кто воспитал) сделали им что-то плохое, и не потому, что это неблагодарные дети. Просто однажды дети перестают быть детьми. Точнее — только детьми. И если для родителей ребенок — всегда ребенок, то для самого ребенка это не так однозначно. Отсюда и непонимание. И чем жестче упреки в том, что «забыл», «оставила, бросила», «неблагодарный ребенок», то есть чем сильнее и жестче звучит обвинение-требование, по сути, оставаться ребенком, «соответствовать надеждам», «быть опорой» и так далее, тем все больше непонимание, потому что ребенку все это не то, чтобы не нужно. Ему нужнее — не это. Не то, что нужно родителям.

Ведь что нужно родителям? Родители жили если не всю, то большую часть своей жизни — жизнью детей, их заботами и заботами о них, вложили все, что могли и часто даже больше, чем могли (а иногда и больше, чем, наверное, было нужно — неужели пожалеешь родному ребенку!). Для родителей долгие годы ребенок, его благополучие, его жизнь были смыслом и целью, едва ли не самой главной сутью жизни собственной.

Так что через двадцать с небольшим лет практически половина жизни оказалась намертво впаяна в этого, с первого новорожденного крика знакомого человека. Который сейчас — хочет уйти. Отдалиться. Унести из жизни смысл, суть, унести — главное.

☹ *Даже если у них не получалось быть родителями такими, как им хотелось, если они были грубы или холодны (и такое бывает), то и тогда хоть какая-то часть их в своем ребенке живет и в сердце отзывается.*

Вот уже скоро десять (а то и больше) лет родители не слышали от своих детей, переживавших то бурный и вредный подростковый возраст, то озабоченный своими проблемами юношеский, о том, что с каждым годом становится все менее очевидно и все более важно: а любят ли их — дети. Нужны ли они своим детям. И вот теперь, уходя в жизнь свою, дети как бы подтверждают страшную догадку: «не любят», «не нужны».

☹ *И мысли о себе как о «плохом» отце или матери перемежаются с не менее горькими мыслями о своих «плохих» детях.*

Так что же нужно родителям? Самое главное — им нужно знать (не просто услышать для «отмазки», а узнать-поверить до самой глубины своих многолетних сомнений), что они оказались родителями — хорошими. Что они своим детям нужны, что их любят.

☹ *И, кстати, что им благодарны. И еще раз — любят.*

Собственно, большинство обвинений, болезненных психологических ударов, горьких слов о плохой помощи, о неблагодарности и так далее достается детям от родителей именно в связи с этим внутренним непокоем. Им, родителям, не так важно на деле, моете ли вы полы в доме и с тем ли молодым человеком проводите время, ту ли девушку любите и насколько правильно выбрали профессию. На все это накладывается самый главный страх — потерять своих детей. А с ними — самих себя. Страх этот неизбежен и свойствен родителям, наверное, всем. У кого-то он выражается в жестком требовании подчинения и мелочном контроле (удержать при себе!), у кого-то в слезах и обвинениях, у кого-то в мрачном и холодном укаре, уходе в себя, у кого-то в услужливой опережающей заботе там, где уж так беспокоиться, вроде бы и незачем (обычно это сопровождается просящим и упрекающим взглядом одновременно).

— *Слушай свою мать!*

— *Посмотри, что ты сделала со своим отцом!*

— *Я тебя никогда ни о чем не попрошу: сама должна догадаться, что матери нужно!*

— *Сынок, не бросай нас, мы тебе еще пригодимся!*

— *Чего уж мы, нам на пенсии ничего и не нужно, лишь бы тебе было хорошо!*

И так далее.

Не всегда это проявляется так резко. Чем родители мудрее, тем менее явно все происходит. Но переживают они — все равно. Переживают жестокость, нечуткость и неблагодарность своих детей.

Даже если знают, что это глупо, и все так и должно быть.

☹ *А тут еще мужской кризис «Кем я оказался в этой жизни на ее исходе» и уж совсем тяжело переживаемые возрастные изменения в организме женщины — климакс. Все это и при самых-то благоприятных условиях проходит трудно, а еще дети...*

РОДИТЕЛЯМ ОЧЕНЬ ВАЖНО ЗНАТЬ, ЧТО ДЕТИ ИХ ЛЮБЯТ

Все это родителям нужно, они этого ждут, они этого требуют, об этом беспокоятся, болеют в прямом и переносном смысле. Почему же раз за разом не идут родителям навстречу их дети? Почему дети их — не понимают? Что нужно детям?

Если с самого раннего детства дети мало разделяют свой мир и мир родителей, потому что в таком единстве — залог их благополучия, спокойствия и безопасности, то с возрастом им становится все более важно осознать себя людьми — отдельными, самостоятельными.

☹ *А не частью людей других. Даже и родителей.*

Детям важно убедиться, что они чего-то стоят, что-то могут и вообще живут — сами. Поэтому самые добрые, нужные и важные родительские действия, касающиеся их жизни, воспринимаются как вмешательство.

☹ *Агрессия. Посягательство. Вторжение.*

И в противостоянии такому вмешательству личность, по сути, проходит первую проверку на свою состоятельность. Самость. Это нормально — в подростковом возрасте. А если в подростковом удалось плохо, то — и в юношеском тоже. Человек не успокоится, пока не проверит и не докажет самому себе, что он — сам. Сам думает (и имеет право на мысли, которые родители и другие влиятельные старшие

считают неправильными), сам делает (в том числе и безобразия, как это кажется окружающим), сам решает и сам выбирает. Сам! Этого недостаточно узнать. Это надо — проверить.

⌚ *И жизнь родителей превращается в крошечный... Ну, вы знаете.*

В ребенке-подростке-юноше в это время борются личности разные: детская, прямо связанная с родителями, новая-ищущая и еще та, которая только будет, ради которой ищущая и ищет сейчас. И детской личности недостает родительского одобрения и любви, которые одновременно отвергает личность ищущая, отвергает вместе со всем, что исходит от — «агрессоров». А личность будущая и вовсе большей частью в растерянности и недоумении. Ведь ее еще почти и нет. И вот девочка-отличница демонстративно вываливает при гостях из сумочки пачки презервативов, приличный парень делает себе модную tattoo и прокалывает пупок, ну и так далее. Но это все подростковое, преходящее и потому, конечно, кошмар, но — не самое страшное. Для родителей.

Потому что через пару-тройку лет внешние, демонстративные проявления сойдут на нет, а утверждение себя настоящего и самостоятельного (вместе, кстати сказать, с поиском этого себя — отсюда изрядная непоследовательность и упрямство одновременно) приобретет уже более глубокие, а значит, и более тяжелые для родителей формы. «Ребенок» решает сам уже не мелочи, а серьезные вещи: уходит из института и поступает в другой (или идет работать), объявляет о предстоящей свадьбе, снимает квартиру и уходит туда жить и так далее. Одновременно, чем ближе осознание и принятие себя — взрослым — тем глубже становится уровень этой самостоятельности. Человек ищет и устанавливает — отношения. Он разбирается в своем понимании мира и сравнивает его с принесенным из детства (то есть — родительским). Он однажды задает вопрос-обвинение: «а вы сами-то?», начинает перестраивать стиль общения с родителями так, как сам считает нужным, по своему представлению. Возникает — отчужденность. И, наконец, человек говорит себе: «У них своя жизнь, а у меня — своя. Мы — разные люди».

⌚ *Кстати, не всегда хватает такта сказать это только самому себе. Обычно родители эти высказывания своих детей тоже слышат. И понимают по-своему: мы, дескать, ребенку больше не нужны.*

Словом, в этот период жизни человеку важнее всего — Самость. Свобода, свой личный опыт, свои пробы и ошибки — все то, что может ему убедительно доказать: он, как отдельный и самостоятельный человек, состоялся.

⌚ *И если он слышит, что все это на самом деле — «дурь и детство, а хочется доказать свою самостоятельность, так пошла бы лучше матери помогала», то реакцию на такие слова представить, я думаю, можно.*

И, поскольку именно самостоятельность и свобода — то, что сейчас человека более всего интересует, то родителей своих, с их нехваткой нужности и любви, он — не понимает. Сытый голодного... Ему другое важно. А родительские попытки поговорить-убедить — в его представлении — из той же агрессивно-посягательской области.

Ну и что же тут делать? Как согласовать желания одних и потребности других?

Для начала — понять, что в мире все именно так и обстоит. Это не личное ваше с детьми или родителями невезение, а нормальная жизнь, обычные ситуации. Со всеми их слезами, конфликтами, переживаниями и нервотрепками. Так бывает практически у всех. И было. И будет. И весь вопрос уже в том, как именно вы с этими ситуациями справляетесь.

А потом — нужно захотеть понять друг друга.

⌚ *Потому что обвинение «ты не хочешь меня понять» обесценивается сразу, как только выясняется, что бросающий его сам не хочет и не собирается понимать другого. Да и любое-то обвинение к пониманию мало что прибавляет.*

Это не значит обязательно именно детям понять родителей или, наоборот, родителям — детей. Речь не о войне и не о том, кто прав и победит. Это вообще не важно. Речь о том, чтобы они поняли — друг друга. Пошли навстречу с обеих сторон.

До сих пор сам с внутренним удивлением вспоминаю одну свою консультацию. Точнее, ее результаты. Парень жаловался, что отношения с отцом все хуже и хуже, что уже и с матерью начали портиться, что обстановка в семье напряженная, и во всем, чуть что случится, винят именно его. Мы вместе, через мои вопросы и его ответы разбирались и в его чувствах, и в чувствах и глубинных желаниях его родителей, и в конце прозвучал-таки этот вопрос: «Так что же делать?»

⌚ *Заметим тут, что желание что-то делать было именно его, парня, иначе и вовсе бы с этим не пришел. Если своего желания нет, помочь или крайне сложно или и вовсе невозможно.*

И здесь, отходя от своей годами сложившейся привычки по возможности прямо ничего не «советовать», я попросил парня (а ему уже было за двадцать) пойти вечером к отцу и в кои-то веки поговорить, что называется по душам. И, если получится, и если в душе что-то такое возникнет, сказать отцу, что он, сын, его любит, и что отец ему — нужен. Ну, располагала обстановка к такому вот прямому совету.

☹ Хотя, наверное, это все-таки исключительный случай.

Через неделю парень пришел снова. Но — уже не на консультацию. А — поделиться. Разговор с отцом (за пивом — угощал сын) у них состоялся. И — так обычно не бывает, но тут — было: жизнь изменилась сразу. В тот вечер на слова о любви отец почти не ответил, замкнулся и пошел спать. Зато наутро он сам пришел сына разбудить, не дал домочадцам начать завтракать, пока тот не вышел к столу, отвез в институт, а вечером ждал, чтобы встретить и отвезти домой. И — почти не разговаривал, просто улыбался. (А дядька, судя по описанию, суровый). Любую попытку накричать или просто выговорить на повышенных тонах (с маминой стороны) отец пресекал сразу. И так — всю неделю. Рассказывал мне все это парень, будучи совершенно ошарашенным. Характерная вещь: «Я же ему ничего такого не сказал, чего бы он сам не знал». И в самом деле, для детей кажется очевидным (правда с годами — очень глубоко в душе), что родителей они любят. Просто, для них «не это главное». А родителям это — важно. И далеко не так очевидно.

Недавно, спустя уже два года, парень позвонил и пришел снова. Я поинтересовался, как дела в семье. «Ну там-то как раз все хорошо, — парень улыбнулся, — я хотел спросить о другом...»

Сразу подчеркну: так бывает не всегда. И вообще, это случай исключительный.

☹ Но и так — бывает.

Бывает и по-другому. Случается, что дети родителям — мстят (за что-то прошлое или настоящее), или что родителей просто не было. По-разному случается. Однако с возрастом, чем спокойнее и увереннее в себе становятся дети, тем больше они смотрят на родителей как на «тоже людей» (а не на источник опасности для личности своей). Чем очевиднее, что не надо сравниваться и обороняться, чем взрослее дети, тем легче им относиться к родителям, как взрослые люди — к взрослым людям. И — как к людям дорогим и близким. И — любимым и нужным. Вот тогда дети к родителям — возвращаются. По крайней мере, душой.

ДЕТИ К РОДИТЕЛЯМ — ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Но до этого еще нужно дожить. А до тех пор важно с обеих сторон оставить возможность для такого возвращения, не натворив ничего такого, что сделает уход детей — необратимым.

Тайная жизнь

*Ты оправдал чужие ожидания?
Д. Леонтьев.*

*Общаясь, забываем друг о друге...
Он же.*

Молодые люди иногда женятся или выходят замуж. Делается это по разным мотивам и из разных соображений, в том числе и по любви.

☹ «Мы знаем, вечная любовь живет едва ли три недели», — А.С. Пушкин.

В русле нашего разговора остановимся на случае, когда семью создают — в поисках себя. Одна знакомая мне девушка спешила, торопилась и очень хотела замуж (пламенная любовь!), потому что уж очень тяжело ей было жить в родительском доме. А когда возможность жить отдельно появилась, то и тяга к замужеству как-то сама собой угасла.

☹ По принципу, «лучше уж с кем угодно, только не здесь». А если можно не «с кем угодно», а самой по себе, то зачем же «с кем угодно»?

Впрочем, так сложилось у нее. А множество других знакомых мне девушек замуж все-таки вышли. Не ради семьи как таковой, а ради иной жизни. В том числе — и ради самостоятельности («Выйду замуж и маму на порог кухни не пущу!»). На моей памяти реже, но такие же мотивы — вырваться из-под контроля, отгородиться официальной новой семьей, жить отдельно — встречаются и у молодых мужчин.

⌚ А еще показать себе и окружающим, что «я вам не мальчик, вот у меня кольцо на руке, жизненный опыт, со мной надо считаться!»

Не все и не всегда, но такие браки, что называется, не от хорошей жизни, тоже бывают. Существуют. И тогда, когда Действо — свадьба — уже позади, и эта новая жизнь начинается, начинается и подспудное брожение-проверка: «А дала ли мне эта жизнь то, ради чего я на нее пошел?» Стала ли жизнь лучше? Получил ли я свободу? Самостоятельность? Уважение окружающих (в том числе супруга)?

⌚ Или как?

И тогда в молодой семье начинаются — проверки. Семьи и друг друга. И себя. «На вшивость». Чем-то это похоже на подростковые проверки «кто я?» и «что я могу?». Особенно характерны именно эти, последние: «что я могу?» Или, еще точнее, «что мне можно?».

⌚ «Тварь я дрожащая или право имею?» — Ф.М. Достоевский.

А еще: этот человек живет именно со мной или мной пользуется, как поводом жить именно так? Нужен ли я ей (ему) или кому-то — как собственно мужчина (женщина), как просто такой человек? И не поспешил ли я, спасаясь бегством от жизни прошлой: может, был бы лучший вариант? И вообще, мы друг друга — любим? Или — «а куда мы денемся?»

Проверки бывают разные. Самая простая — скрытничать, делать тайны из ничего: «Куда пошел? — Надо. — Когда придешь? — Неважно. — Чего хочешь к обеду? — Я подумаю». Аналогично: «Я сегодня вечером зайду к подруге, ты ее не знаешь. — Когда домой? — Там поглядим». И неважно, что он пошел в магазин, а она — в парикмахерскую. Важно напряженное внутреннее ожидание: как он (она) отреагирует? Могу я себе позволить иметь свою личную жизнь, свое свободное время — или нет?

⌚ Ну и, понятно, готовность жестко встать на защиту своих прав и свобод. И вот уже добродушно-дежурный вопрос: «Когда ждать к ужину?» натывается на жесткий взгляд и отповедь: «Не нужно меня контролировать». Покая в семье, все это, очевидно, не прибавляет.

Прогулки, что называется, «налево» также могут быть как для мужчин, так и для женщин — чисто исследовательским мероприятием. Проверкой.

— Мне важно знать, — рассказывал один посетитель моего кабинета, — видит ли во мне жена мужчину? Или — только домашнюю рабочую силу и источник денег?

— А как жена к Вам относится?

— Хорошо, ласково, но откуда я знаю, это по-настоящему, или просто потому, что такая жизнь ее устраивает?

⌚ Вот так, ни больше, ни меньше.

— И что вы хотите выяснить?

— Ну, если другие женщины мной интересуются, значит, я могу быть интересен, как мужчина. Значит, и жене могу быть интересен.

Этот мужчина не одинок — и среди мужчин, и среди женщин. Вопрос «а интересую ли лично я супруга?» часто сподвигает усомнившихся это проверить. Кстати, та же проверка проводится и при неясности в ответе на вопрос другой: «А по своей ли воле я живу именно в этой семье?» Человеку становится важно: он хранит семье верность потому, что боится скандала или и в самом деле семью ценит?

⌚ Как проверить — «очень просто»...

Тут, правда, не всегда используется именно поиск посторонних сексуальных контактов. Встречается и так называемый «временный уход». То есть, «я поживу отдельно — и выясню, хочу ли я жить с тобой». К разряду проверок относятся и не самые тактичные «подколы» (вытерпит ли?), заигрывания с кем-то еще (имею право?), провоцирование на конфликт (любит-не любит?) и неожиданное и несогласованное принятие каких-то, затрагивающих обоих, решений — к примеру, о больших тратах или смене работы (ценят ли тут меня и мои личные интересы или мое «удобство в использовании?»).

Очевидная неозабоченность таких проверок душевным состоянием второго человека как раз и объясняется изначальной неуверенностью в добровольности собственного решения. Человек еще с собой не разобрался, и ему пока не до окружающих.

⌚ Раньше надо было думать? А если не получилось, тогда — как?

Тут важно понять, что в большинстве случаев ответов на все эти вопросы — стало ли жить лучше, получил ли я свободу и уважение — такие проверки не дают. Потому что есть второй человек, и от таких «тестов» ваша — общая, совместная — жизнь изменяется. Проверка изрядно влияет на проверяемое.

⌚ Проблема холодильника: как узнать, горит ли свет, когда дверца закрыта? Открыть дверцу. Но тогда не соблюдается изначальное условие.

Такого рода эксперименты не могут получиться «чистыми»: второй человек воспримет, переживет и оценит ситуацию по-своему, и поведение его будет продиктовано уже этим, новым положением вещей, а не тем, которое проверяли.

Вот юноша просит девушку изменить ему, чтобы проверить, будет ли он ревновать. (Ну, и еще много чего проверить.) И с этого момента он для девушки не просто этот самый юноша, а юноша, который обратился именно с такой просьбой.

☺ Чувствуете разницу? Девушки — наверняка.

И выводы девушка делает уже на основе этого нового факта. И, кстати, переживает его. А логика тут не при чем.

И, наконец, во всей этой истории есть главная ловушка: если я чего-то хочу проверить, чего-то опасаясь, то именно это опасение и занимает место ожидаемого результата. То есть, если я опасаясь, что свадьба сделала меня несвободным и обязанным, то я буду повышенно чувствительным именно к тем фактам (или их иллюзии), которые подтверждают такую несвободу и обязанность. А остальные — будут проигнорированы, как не имеющие отношения к делу. Что ищем — то и найдем.

☺ А «кто ищет, тот — всегда найдет».

Словом, речь идет не о том, что «проверки» — это правильно или неправильно — пусть читатель решает это для себя сам. Суть в том, что они, эти проверки, ничего не позволяют выяснить. А исходную ситуацию — изменяют обычно не в лучшую для обеих сторон.

ПРОВЕРКИ НИЧЕГО НЕ ДОКАЗЫВАЮТ

А поэтому, если уж вопросы появляются, если хотя бы основные предположения о том, «кто я?» и «что я в этом мире делаю?» еще не сформулированы, то ответы на них надо искать прежде всего в себе, а не в своем супруге. И именно свои, внутренние ответы на эти главные вопросы сделают очевидными и ответы на все вопросы производные: «с кем и как я живу».

Предвосхищение отношений

*В глазах рябит от собственных проекций.
Д. Леонтьев.*

*Смыслом взаимодействия является результат, а не то, чего хотелось.
НЛП.*

От одного разведенного молодого человека я слышал замечательное в своей тонкости и жизненности замечание: «Если хочешь узнать, каково тебе будет жить с женщиной, представь, как ты будешь с ней разводиться. И если и тогда тебе будет рядом с ней хорошо — женись». По сути, это вариация на тему «если друг оказался вдруг»: мы заранее представляем наиболее напряженный из возможных семейных кризисов, где интересы пришли в максимальное столкновение, и пытаемся предугадать, как мы поведем себя относительно друг друга. И если такое взаимное поведение нам понравится, значит, и в остальных, менее острых ситуациях, наши отношения будут как минимум приемлемы.

☺ Кстати, все это можно с потенциальным супругом проговорить. Впрочем, в разговоре будут выражены скорее пожелания, в которые хочется верить. Поэтому лучше представить все заранее и про себя. Так будет, возможно, менее объективно, зато ближе к жизни.

А если то, что мы представили, нам не понравится? Тогда, наверное, шаги по созданию семьи следует, все-таки приостановить до тех пор, пока мы (либо наши избранники) естественным течением своей жизни не подойдем к моменту, когда положение дел изменится.

Однако, нужно иметь в виду один интересный психологический закон: предвосхищение.

☺ По науке — антиципация.

В чем его суть: большую часть информации о том, какие мы (в каком настроении, к чему предрасположены) здесь и сейчас, как мы относимся к окружающим, мы получаем — от этих самых окружающих.

Вот появляетесь вы в малознакомой компании, от которой и сами еще не знаете, чего ждать, и где люди непонятно чего ждут от вас. Тогда, при таком общем недостатке информации для начала взаимоотношений первые доли секунды между вами отношений не будет — никаких. Чистый лист. Ноль.

В обычных ситуациях дальнейшее определяет чистая случайность: вы сделали неопределенную гримасу, ее совершенно произвольно и совсем неосознанно истолковали, и вот уже вы понравились или не понравились, что называется, на пустом месте.

Гораздо легче, если вас в компании уже кто-то знал, и мнение о вас заранее создал. Тогда, появившись в первый раз, вы в те же считанные доли секунды поймете, каким вас здесь ожидают, и реагировать будете соответственно: настороженно, если вас недолюбливают, или жизнерадостно, если вам рады. Кстати, так же работают и определенные заранее сложившиеся ожидания относительно новой компании, новых людей, новых коллег — у вас.

Штука в том, что эту закономерность можно и использовать. Вот окружающие вместе с вами попадают в ситуацию, где неясно, как реагировать. Вы тут же, на пустом месте, создаете, что называется, убедительный «стереотип» такого реагирования. Тогда высоки шансы, что именно ваши стереотип будет воспринят как естественный и само собой разумеющийся.

⌚ *И если в первые секунды в новой компании вы очень быстро сориентируетесь на искреннюю улыбку: «Спасибо вам за то, что я вам так понравился, и вы мне рады», то рады вам — будут. С очень высокой степенью вероятности.*

Эта закономерность действует практически во всех ситуациях, участники которых не знают, чего ожидать и как ситуацию оценить. В том числе и тогда, когда люди эти уже давно и хорошо знакомы. Ситуации же бывают разные. Вот пришел молодой муж домой, а жена приготовила что-то новенькое. И — не знает, понравится ли мужу. Хуже — очень боится, что не понравится. Муж, для которого вкус нов и непривычен, информацию о своей реакции найдет — все верно, на лице у жены. И, видимо, останется недоволен.

⌚ *Хотя может тактично этого не показывать.*

И наоборот, если мужу передастся искренняя и глубокая убежденность жены, что это — кулинарный шедевр, то и восприятие изначально непонятного вкуса пойдет уже в этом, шедевральном, контексте.

⌚ *Кстати, схожим образом воспринимается часто и первый сексуальный контакт.*

ПРЕДВОСХИЩАЙТЕ!

Все это хорошо, но важно помнить основное ограничение: предвосхищение действует легко и хорошо в ситуациях, когда информации явно недостаточно. Если же у других людей ожидания уже сформированы на основе их собственных знаний о ситуации и о себе, то противоречащие друг другу предвосхищения могут просто столкнуться. И будет — конфликт. Или, как минимум, непонимание. В этом случае принятие позиции лишь одной из сторон будет уже попросту фальшивым, неискренним.

⌚ *И если речь идет не о бизнесе, а о семье и личных отношениях, то мы этого — хотим?*

То есть мы получаем неконфликтную улыбку на лице и внутреннее несогласие-нагревание. Как вы думаете, во что это выльется?

⌚ *И где здесь грань между мудрой неконфликтностью и разрушительным лицемерием?*

Предвосхищение, как игра с жизнью с заранее известным результатом хороша, когда все происходит действительно как бы «на пустом месте», с чистого листа. И тут нужно помнить, что жизнь не знает, что вы всего лишь играете. Обычно переиграть назад уже не удастся, придется жить дальше с тем результатом, который есть. Жизни можно подсказать результат, если она его не знает. Но обмануть — удастся куда реже.

ЖИЗНЬ НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ВЫ ВСЕГО ЛИШЬ ИГРАЕТЕ. ПОСЛЕДСТВИЯ МОГУТ БЫТЬ ВПОЛНЕ НАСТОЯЩИМИ

Игра вполне может стать реальностью, если реальны ее последствия. В том числе и не те, на которые мы рассчитывали. Вступая в игру, то есть «делая вид», давайте помнить: да, так можно управлять ситуацией и жизнью, но так же можно и попасться, если обнаружатся что-то уж очень непредусмотренное, если «сделанный вид» с действительностью совсем не совпадет. Фридрих II советовал кусать лишь столько, сколько можно проглотить.

Папе Карло от Франкенштейна — с приветом!

*Что ж, формируй, но только поэтапно.
Д. Леонтьев.*

*Поучайте лучшие ваших паучат!
Буратино.*

Сразу хочется разочаровать тех сильных духом людей, которые надеются длительным душевным напряжением жену или мужа — воспитать. Не желая казаться печальным пророком, должен все-таки

сказать, что сколько мои коллеги и я сам ни сталкивались с подобными ситуациями, результаты раньше или позже оказывались — одинаковыми.

⌚ *Одинаково грустными.*

Тут в широком смысле лишь два возможных варианта развития событий. Первый: Близкий вам человек под вашим сильным душевным давлением (из лучших воспитательных побуждений) может довольно-таки долго (годы!) оставаться таким, каким вы хотите его видеть. Возможно, дело тут в том, что близкому человеку важно — для себя — быть рядом с вами, и он внутренне готов платить эту цену: терпеть внутреннее напряжение, чтобы соответствовать вашим ожиданиям. Однако, всему наступает предел, и установленное силой рушится, как только силовое давление ослабевает.

⌚ *Когда ослабевает — по разным причинам — желание соответствовать чьему-то представлению о себе и усиливается — желание быть самим собой.*

И тогда близкий либо устраивает бунт-революцию, требуя внимания и уважения к себе настоящему, либо просто уходит туда, где его принимают как есть, не требуя быть кем-то еще. И даже если ваше давление было достаточно долгим и сильным, чтобы человека внутренне переломить (сломать?), все равно рано или поздно за это насилие он — отомстит. Так или иначе. Скандалами и слезами или капризами и нервотрепкой, обманом и тихим саботажем — безответственностью или безразличием и равнодушием.

— Я десять лет делаю из него человека, а он все делает, лишь бы мне назло, — раздраженная «неблагодарностью» мужа жалуется его жена.

«Извини, но больше жить с тобой я не могу», — обнаруживает однажды записку очень «правильный» муж и потому удивляется: «Ведь все было нормально!»

⌚ *Под давлением все ухудшается — из «законов Мерфи».*

Увы, как ни хочется обоснованно заявить обратное, жизнь раз за разом настаивает на своем: не надо делать из любимого (любимой) кого-то еще. Живите с тем, кто есть — или живите с кем-то другим. А для этого еще тогда, когда вы только начинаете быть рядом, отдайте себе отчет: насколько вы можете быть рядом такие, какие есть. Не надейтесь на то, что остальные «мелочи» вы постепенно «подрихтуете».

⌚ *Я его слепила из того, что было?*

И будьте готовы к тому, что если вы согласились с теми, например, тридцатью (или тремя) процентами, которые вам не нравятся, то будьте готовы, что обо все эти тридцать три процента вам придется спотыкаться все оставшееся время. А если вас это не устраивает, вспомните другую мудрость: «Единственный человек в мире — не единственный», и идите к тому, в ком все почти так же, а вот размер лично вас не устраивающих мелочей — меньше. Меньше настолько, насколько вы согласны это терпеть, не пытаясь человека насильно изменить. Ну а душевные силы можно приберечь не столько для воспитательного давления на близких, сколько для — понимания.

⌚ *Потому что есть надежда, что на ваше искреннее понимание он ответит — своим. И что-то захочет изменить сам. А это большая разница.*

Кстати, примерно такое рассуждение можно отнести и к самому себе. Потому что себя тоже можно насиловать сверх меры. И если изменения, которые вы себе навязываете ради того, чтобы соответствовать требованиям живущего рядом, окажутся больше, чем ваше «Я» внутренне и искренне готово претерпеть, то уже ваше собственное внутреннее напряжение начнет все портить — изнутри. Меняться под окружающих можно и нужно настолько, насколько в нынешних обстоятельствах это для вас приемлемо и органично.

⌚ *И еще чуть-чуть.*

И лишь когда эти изменения уже станут естественной нормой (или будут окончательно отвергнуты, как несостоятельные), можно приступать к следующим. Ничего сверх меры!

Собственно, примерно так же осторожно можно подходить и к попыткам небольших изменений в близких и любимых.

⌚ *Но, возможно, лучше все-таки не надо. Меняй, изменяясь!*

Так уж получается в жизни, что, если кто-то из партнеров (в разных своих проявлениях) оценивается как всегда более сильный не для кого-то вовне, а в противоречиях «между нами», то в конце концов это «достанет» другого (или обоих).

⌚ *Потому что угрожает глубинному «Я» другого человека.*

Второй вариант развития отношений, если вы все-таки будете оказывать воспитательное давление: Если ваш любимый в своей внутренней основе еще не полностью сложился, есть вероятность, что воспитание окажется более или менее действенным, и важные, нужные и добрые качества вы ему действительно привьете.

⌚ Создадите.

В каком-то смысле вы создадите (насильно!) часть его самого. Возможно, что он, оценив, эту часть примет. Но вы для него так насильником и останетесь — как бы умно вы друг другу не объясняли обратное. И поэтому воспитанный вами от вас — уйдет.

⌚ А если не уйдет, не избавится от давления, то — смотри выше. Потому что пока не пропадет давление-насилие, человек не сможет сказать себе, что нечто новое в нем — его собственное, полученное по личному выбору, добровольно. А проверить это он сможет, только избавившись от источника давления — от вас. (Кстати, у детей с родителями часто так и бывает.)

Он уйдет воспитанный, улучшенный. Может быть, даже, однажды он вас вспомнит словом благодарности. Но жить с вами — не будет. А будет — с кем-то другим, для кого он, уже «воспитанный», окажется «таким, какой он есть». И в этом, наверное, нет ничего плохого, если вашей задачей было именно это: воспитать что-то хорошее в хорошем человеке. Но если вы планировали жить вместе с ним дальше, то, похоже, от целенаправленного воспитания придется отказаться. Иначе — либо у вас не хватит сил, и человек просто уйдет ни с чем, либо у вас сил — хватит, и человек уйдет — воспитанный.

ВОСПИТЫВАЯ ЛЮБИМОГО, ПОМНИТЕ, ЧТО ВЫ ЕГО ВОСПИТЫВАЕТЕ — ДЛЯ КОГО-ТО ДРУГОГО

Жить с Учителем не будут. У него научатся и уйдут в жизнь. Не надо быть гуру и воспитателем для тех, с кем ты хочешь жить рядом. С ними надо просто жить. Либо мирно, либо — порознь.

Люди не прощают тех, кто их создал. (Иногда и попросту мстят). Если кто-то посторонний (а не выросший вместе с тобой, как родители) рассматривается как «создатель», то он — представляет угрозу для «созданной» личности.

⌚ По крайней мере, так воспринимается: «что ж это такое! Он что, может сделать со мной все, что хочет?» В том числе — и радикально изменить, то есть — уничтожить эту, «созданную» личность.

И от этой субъективно переживаемой угрозы человеку внутренне надо — избавиться. Этого требует безопасность собственного «Я» (хотя осознанно такое желание проявляется не всегда).

Мы бываем благодарны тем, кто помог: подсказал варианты, показал выбор, дал информацию, тратил силы и время. Мы бываем рады — помощи — и обращаемся за ней вновь. Но нам вовсе не нравится, когда эту «помощь» нас принимать — заставляют. Когда помогающий не готов к тому, что предлагаемую им воспитательную помощь мы — не примем, проигнорируем.

⌚ А если он начнет размахивать более или менее явной дубиной, то это уже — не помощь. Это агрессия.

Воспитатель-насильник будет отторгнут, этого требует наша «самость», наша вера в себя. Самого себя люди обычно хотят найти и сделать — сами. Хотя — и с помощью хороших людей других. Желательно помнить об этом, когда руки так и чешутся «вогнать в светлое будущее» наших близких, «потому что имеем право: ведь они нам небезразличны».

Если человеку надо, если он сам просит и хочет — будем помогать, честно отвечать на вопросы, подсказывать варианты ответов или вопросов новых и так далее. Но — помогать человеку мы будем ради него самого, так как это нужно и приемлемо ему.

⌚ И вовремя останавливаться — как только на нашу помощь упал спрос.

Конечно, при таком раскладе мы не попадаем в Великие Гуру по жизни, да и власти-влияния на близких у нас не прибавится. Зато, наверное, на душе будет лучше.

Друзья и деньги

*Будь другом, опредметь мою потребность.
Д. Леонтьев.*

*Ты мне прямо скажи, чё те надо ...
Из песни.*

Когда подростковый возраст остается более-менее позади, и когда потребность в близком и доверительном общении становится не смертельной, а нормальной, мы вдруг обнаруживаем себя в затруднении: о чем можно (и можно ли?) просить близких людей. Чего от них можно хотеть, чтобы остаться им другом, и не опошлять отношений потребительством.

⌚ Потому что потребности — нормальные, человеческие, психологические — развиваются, и от друзей, как обычно, хочется помощи и поддержки. В том числе и в этих, новых потребностях.

Тут бывает по-разному: можно, в соответствии с новым представлением о жизни сменить представление о друзьях и искать теперь таких друзей, которые мне могут побольше дать.

⌚ В самом прямом смысле: престижную работу, качественную развлекаловку, информацию, деньги, наконец.

А я, соответственно, чем-то расплачусь. Ну, деловой подход.

Можно жестко разделить друзей, близких и деловые контакты, избегая внутреннего морального конфликта: «от друзей ничего не должно быть нужно, они просто друзья». Нетрудно заметить, что и такой подход не самый лучший, как с точки зрения перспектив самой дружбы, так и с точки зрения друзей, которым, по сути, тоже ни о чем попросить вас будет нельзя.

☹ Ну, неудобно.

Можно на эти изменения просто закрыть глаза, тогда все произойдет как бы само собой: с людьми, которые нужны меньше, и времени на общение будет находиться все меньше, а сохраняться и поддерживаться (как бы и без всякой задней мысли) будут именно контакты «нужные». Нужные в разных, в том числе и в самых лучших смыслах этого слова. Тут деловая выгода не только прямо не проговаривается, но обычно и стыдливо камуфлируется:

— Как же так получается, — сокрушаемся мы, — старые друзья, а видимся, считай, только по делу! Кстати, так же «почти неосознанно» случаются и браки по разным расчетам (а на вид только и исключительно по любви). И хорошо, если эти расчеты основаны на предположениях, что «он будет хорошим мужем и поэтому он мне нужен». А если где-то в глубине души прячутся размышления о карьерных успехах, денежной выгоде, возможности жить в отдельной квартире, о переезде в большой город и так далее, то у этой семьи могут однажды возникнуть трудности.

☹ Ты меня никогда не любил!

Проблема тут именно в невысказанности, спрятанности наших желаний. Раз прячем, значит — прячем что-то нехорошее (со своей собственной точки зрения). С таким чувством и прячем. А если вдруг всплывет, то придется осознать себя обманщиком и лицемером. Однако, если мы твердо уверены, что от близких людей нам ничего не должно быть нужно, то на практике у нас и в самом деле только два варианта: искать других людей или обманывать близких и себя в отношениях уже существующих.

☹ «Принципы — это всегда неприятно», — говорит мой добрый друг и кристальной порядочности человек.

Все вместе это так или иначе выливается в проблему искренности во взаимоотношениях: мне нужны именно эти люди и именно эти отношения, или же то и только то, что я в их результате могу — иметь. Мы понимаем, что чувствовать себя используемым не ради себя самого, а ради чего-то другого, внешнего, не слишком приятно. И мы — в недоумении. Потому что мы развиваемся, взрослеем (позже, чем сами о себе думаем), сталкиваемся в жизни уже со все более «взрослыми» проблемами, и от людей вокруг нам становится что-то нужно не по личной мелочи, а по делу: чтобы женился, чтобы вышла за меня замуж, чтобы дали денег на раскрутку, чтобы устроили на работу и т.д. Люди, в том числе и близкие, рассматриваются еще и как те, кто что-то может дать (не только душевно).

Вот девушка нежно и ласково проводит время с молодым человеком. И — хочет за него замуж. А он о свадьбе как-то не заговаривает и похоже, что и не задумывается: «У нас же и так все хорошо». Как быть совестливой девушке? Если она и замуж хочет, и понимает, что этот «замуж» — это то, что ей от своего молодого человека — нужно. Получить.

Другой пример: молодому человеку очень нужно денег — займы: подвернулась удачная возможность для профессионального, к примеру, роста. И он знает, что возможность дать ему эти деньги у его друзей есть. И все-таки он упускает хорошую возможность, потому что не представляет себе, как можно подойти к друзьям с такой просьбой. Как можно друзей — использовать?!

Получается как-бы дилемма: кто я, дурак или подлец? Дурак, если могу воспользоваться помощью и не пользуюсь, а подлец — если пользуюсь. Так? Не так. Пользуюсь-то пользуюсь. Но как? Пользоваться тоже можно по-разному.

На самом деле это вопрос как раз об искренности отношений. Как сохранить эту искренность? Искренне ничего от близких не хотеть? Искренне не отдавать себе в этом отчет? Искренне признать и принять неискренность и рисковать потерей близких людей именно в смысле близости отношений? Пожалуй, всего этого можно избежать. Если позволить себе признать, что окружающий мир — это мир, где люди не просто живут рядом друг с другом, но и друг другу помогают. В том числе — и по просьбе. В том числе, и когда это им не так легко сделать. Казалось бы, в чем проблема? Что мешает? Проблема есть. Потому что это мир, где существуют — обязательства.

А значит становится меньше — свободы. Детство уходит.

И если я принимаю помощь близких — не как сделку «ты мне, я тебе», а как безусловную помощь: «раз надо — значит, надо»...

«— Д'Артаньян, это нужно только королеве, или это нужно Вам? — Вы правы, это нужно мне, Атос. — Так в чем же дело?»

Если о такой помощи прошу, и ее принимаю, то я принимаю и мир — с обязательствами. Я принимаю возможность и вероятность того, что однажды чьи-то (не обязательно того, кто мне помог сейчас) интересы окажутся для меня так же безусловно важны: «раз надо, значит надо». А это — ответственность. А ее обычно — не очень-то хочется. Поэтому в возрасте более раннем соблазнительной оказывается базовая формулировка о свободе: «Я никому ничего не должен». Позже добавляется великодушное: «Но могу помочь». («Я» здесь все еще свободен и независим — полностью). И уже потом приходит понимание реальности: «И мне может понадобится помощь». Для меня самого или для моих близких.

И если ты «никому ничего не должен» — вообще — то ты никому ничего — не можешь. Сделать. Подарить. Помочь. Не по мелочи, а всерьез, когда требуются усилия людей многих, и их об этом надо — попросить.

ЕСЛИ ТЫ НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖЕН, ТО ТЫ НИКОМУ НИЧЕГО — НЕ МОЖЕШЬ

Я знаю одну замечательную женщину, к которой люди часто и много обращаются за помощью. И она — помогает. Не потому, что она на все руки мастерица или большой начальник, а потому оказать ей услугу — лично ей — рады очень и очень многие люди. И она обращается с просьбой помочь — кому-то, и просьба эта выполняется. Потому что просит — она.

А «никому ничего не должен» означает, что ты выключен (исключен) из общения-взаимодействия с другими людьми. Полностью. Иначе ты им будешь должен: как минимум вести себя так, как удобно им. И если ты кому-то (другу, например) в жизни хочешь сделать что-то хорошее, то во многих случаях тебе понадобится помощь других людей, иногда и не очень знакомых (когда-то по мелочи, а когда-то и весьма всерьез). И к ним надо будет обратиться. Связать себя — с ними. И ты будешь им должен — это. И тогда получается, что либо ты будешь кому-то должен, и свое доброе дело сделать сможешь, либо для тебя окажется важнее «не быть должным». И ты останешься сам по себе. А помочь — не сможешь.

Тихо сам с собою...

Когда все это становится пережито-понятно, заморочки про то «можно ли просить друзей о помощи, или это разрушает дружбу» проходят сами. Можно. Просто не надо обманывать, делая вид, что это тебе «не очень-то и нужно», и вообще ты «ни о чем не просил». Просить надо честно. Искренне. С пониманием того, что ты сейчас — просишь о помощи. И друзья, близкие, родные, супруг — тебе помогают. Или так же честно отказывают. И отдают себе в этом отчет. Тогда врать не придется. Ни себе, ни другим. А отношения искренние, когда «все без утайки» — сохраняются.

Мои близкие

*У меня повесилась жена
После долгих внутренних болезней,
И теперь в квартире тишина.
Стал досуг приятней и полезней.
А. Клименко.*

*Как странно: вагонный попутчик,
случайный и краткий знакомый —
они понимают нас лучше,
чем самые близкие дома.
И. Губерман.*

Разбираясь во внутреннем благополучии или неблагополучии приходящих к психологу людей, я часто задаю им два вопроса: «Кто тебя любит? И кого любишь ты? — У кого освещается лицо, когда он вспоминает о тебе? Кому счастливее жить, зная, что ты есть — просто есть? И кто приносит счастье в твою жизнь?» Я помогаю понять-пережить эти вопросы не на формальном уровне («ну, наверное, родители, друзья, может быть»), а в их глубинной, жизненной реальности. И пока человек, погружаясь в себя, отвечает на эти вопросы, он сам, раньше меня, оказывается в состоянии понять себя и свою жизнь.

Читатель, кто любит Вас — ради Вас самого, просто потому, что Вы есть? И кого любите так — Вы?

Формальное, анкетное представление о близких — родные, друзья, мужья-жены, дети-внуки — может иметь отношение к настоящей близости, а может — и не иметь практически никакого. Внешняя

«укомплектованность штатов» близких людей, чтоб «не хуже, чем у других», никак не приближает нас к ответу на вопрос, есть ли в жизни конкретного человека действительно близкие, глубокие, живые отношения. Есть ли в его жизни такие люди? Практически ни о чем нам не скажет ни количество (много или мало) людей вокруг, ни обилие внешних проявлений (поцелуйчики-обнималки и приятные слова), ни степень официального родства, ни стаж знакомства. Все это может совпадать с глубиной отношений, а может и вовсе не совпадать. Прямой зависимости здесь нет.

Вот приходит на занятия в клуб девушка — хохотушка, жизнерадостная, улыбчивая и склонная пообниматься. И говорит все слова славные и приятные, и танцует хорошо. А за этим чувствуется — пустота. И если за нее, пустоту эту, ненароком задеть, девушка отводит глаза, встряхивает челкой и — смеется снова.

Жизнь продолжается.

А вот паренек, неказистый на вид, не слишком красноречивый и угловатый в движениях. Ну, все данные для неуверенности в себе. И тем не менее, ведет он себя настолько спокойно, с таким ненапряженным, естественным внутренним теплом, что люди к нему — тянутся. Не потанцевать и повеселиться. Даже не то, чтобы поговорить. А просто — побыть рядом. И когда мы как-то заговорили о близких людях, я нисколько не удивился, увидев каким теплым и светлым стало его лицо. Да, в его жизни такие отношения — есть.

С вашего позволения, Читатель, мы назовем такие отношения — любовью.

При всей неоднозначности термина.

То есть тем чувством, которое, с добавлением нежности и заботы становится любовью родителей к детям, а окрасившись эротикой — любовью мужчины к женщине и наоборот. А еще — чувством, которое лежит в основе дружбы и желания помочь, словом, чувством, которое отзывается в самой глубине души, как что-то настоящее и хорошее.

И о чем не всегда хочется говорить вслух.

И, быть может, самое основное тут, что это именно чувство, переживание. А не мысль, идея, рассуждение или образ. Поэтому — очевидно! — его можно почувствовать и пережить, но не осмыслить, доказать или представить. Такие попытки не просто бессмысленны: они могут оказаться и вредны, если за отсутствием настоящего человек привыкнет довольствоваться образами и логическими конструкциями.

Наверняка вы встречались в жизни с людьми, которые любовь и близкие отношения себе — «чтобы было», а то как-то неудобно — придумывали. И даже некоторое время в это увлеченно играли. Или просто при надобности доставали с нужной полки и демонстрировали окружающим.

Вот девочки-подростки используют для этого фотографии певцов и актеров. А люди постарше — внешнюю имитацию близких отношений. Так и ненапряжно, и, вроде всё, что должно быть, в жизни есть.

Люди, в чьей жизни опыт таких отношений хотя бы раз был, обычно на подделку соглашаются уже неохотно: если ты видел мир с вершины горы, вряд ли захочешь вновь в подземелье. По крайней мере, без уж очень веских причин. А у большинства людей, к счастью, такой опыт все-таки был: в детстве. Когда именно так, с любовью не за что-то, а просто потому, что ты — это ты, к тебе относились твои родители. По крайней мере, мама.

Однако встречается очень много людей, в жизни которых все это было — давно. «И неправда». Потому что с тех пор из-за открытой и доверчивой к жизни и людям любви доводилось не раз и весьма болезненно — переживать. И в отношениях с теми же родителями, и в жестоком к окружающим подростковом возрасте, и потом, во времена первых влюбленностей... Ну, и так далее. И убеждение — сложилось. Любовь, дескать, это конечно, тепло и счастье, но она же — боль и беда. А потому обойдемся-ка мы лучше без нее. Целее будем. И отношения тогда становятся — внешними. Формальными. То есть отношения есть, но они меня — не задевают. Не трогают.

Не касаются.

Так, вроде бы, и жить легче. И захватывающий дух вид с вершины горы становится фотообоями на стенке нашей землянки, так что вроде бы так уж совсем ничего и не меняется: мы же не отказались вида с горы. Мы эту гору — обезопасили. Правда, в этой безопасности — от сиюминутных потрясений — таится куда большая опасность: в нашей жизни постепенно, шаг за шагом становится все больше

формальности и все меньше — настоящего. Мы начинаем избегать — жизни. Переживаем. Но уже не до «лучших времен», а постоянно.

⌚ До смерти.

Наша защита-оборона от тяжелых, а потом и вовсе от любых неприятных переживаний становится все глуше, крепостные стены — все толще, а пространство жизни за ними — все меньше.

ЧЕМ ТОЛЩЕ СТЕНЫ — ТЕМ МЕНЬШЕ ЗА НИМИ МЕСТА

На случай штурма или осады (а тем более ветра или метели) мы укрыты гарантированно. Правда, это все на случай экстремальных условий. Основная часть жизни протекает обычно все-таки в условиях средне-нормальных. И вот это-то, нормальное, непосредственное время своей жизни мы и переживаем за стенами. И, чтобы не сидеть уж совсем «как дураки», вынуждены сами себе — и окружающим — рассказывать страшилки о неизбежности появления «лютого врага».

⌚ Ну, «вся жизнь борьба» и «никому нельзя доверять». Потому что если — не так, то и в нашем упорном фортификационном труде есть что-то не вполне адекватное.

Вы наверняка можете таких людей если и не увидеть прямо сейчас, то, по крайней мере, вспомнить. Это и холодный сослуживец, которого раздражает все, кроме логики. Это и родственник, который морщится и уходит при виде ярких проявлений чувств. Это молодой человек, который все обращает в «прикол» и создает вокруг себя дымовую завесу абсурдной ирреальности. Это и агрессивный циник, и расслабленный «пофигист». И так далее.

⌚ Если человек «и такой тоже» — это одно. А если только такой и «какой еще может быть?» — тогда есть о чем загрустить. На моих глазах всего за два-три года жизнерадостный и добродушный парень превратился в бумажного чиновника, искреннего в своем непонимании «неодобренной и неорганизованной» жизни. Причем, что характерно, для него самого эти изменения вовсе не очевидны.

Получается весьма неприятный заколдованный круг: чем больше сил потрачено на укрепление обороны, тем более нам важно, чтобы «трагические испытания» в жизни встречались как можно чаще. И нужно экстремальную жизнь себе — устраивать. Или выдумывать. Иначе придется признать перед самим собой не только бессмысленность «нерушимых стен», но и бездарность потраченных на эти «стены» сил, времени, души, жизни...

Впрочем, когда пустота и одиночество за стенами становятся уже совсем невыносимыми (такое бывает), наступает — весьма болезненное — осознание. Осознание упущенных мгновений, упущенных радостей, промелькнувших людей, которые могли быть близки и дороги, так и не вышедшего в жизнь — себя.

⌚ Чем больше жизни потрачено на «оборону», тем болезненней это осознание. И тем больше вероятность, что человек, сделав наконец попытку выйти наружу, скажет себе: «ну вот, тут и впрямь все очень плохо». И — останется, где был.

Возврат к непосредственной, полноценной (имеющей полную цену) жизни может быть трудным и тяжелым (или просто неприятным: кто сколько потратил впустую). Но, что радует, такой возврат — возможен. Он возможен тем более, чем раньше и сильнее человеку захочется вернуть в свою жизнь настоящее.

⌚ Собственно, саму жизнь. А не ее переживание-существование.

И это действительно может оказаться беспокойно. Домик в долине среди домов друзей действительно меньше защищен, чем угрюмый замок в скалистом ущелье.

Есть такое сравнение: душа человека похожа на морскую раковину. В ней есть и нежная живая чувствительная (чувствующая) мягкость и жесткая, твердая раковина с острыми краями. Люди могут захлопнуть створки и стучать панцирем о панцирь. Тогда они живут каждый сам по себе. Зато и прикосновение острого края — нипочем.

Открываясь людям навстречу, обращая к ним живую душу, человек не гарантирован от того, чтобы не пораниться о чей-то острый край. И тогда велик соблазн захлопнуть створки — навсегда. И уже своими краями ранить раскрывшихся — других. Пусть не зевают!

Однако створки могут не только закрываться, но и открываться. И жизнь, настоящая, для раковины происходит только тогда, когда створки эти — открыты. Или хотя бы — приоткрыты.

Может быть, если острый край уже приблизился вплотную и оцарапал, пора на какое-то время и в самом деле прикрыться жестким панцирем. Но — чтобы потом, когда заперший себя в панцирь человек пройдет мимо, открыться снова: навстречу людям и жизни.

☺ Которая, мягко говоря, не всегда относится к нам заботливо и тепло. Но она — жизнь. Альтернатива ей — не жизнь. Что выбираем?

И если мы все-таки выберем жить, то нам понадобятся в этой жизни близкие люди. Люди, к которым наша душа будет тянуться, рядом с которыми мы будем раскрываться такими, какие мы есть, зная, что нас — именно таких — здесь любят и ждут.

☺ Пожалуй, ради этого напрячься и вынести кое-когда и шквальный порыв ветра, и даже град — стоит.

Впрочем, это не призыв жить вообще без защиты. Просто защита должна быть для жизни, а не этой жизни целью и основным содержанием. Защита должна быть — достаточной. И тратить на нее больше, чем нужно — значит, тратить впустую свою жизнь. Так?

Откуда летит время

*В мозаике неясных образов каждый видит что-то свое. И это «свое» — он сам.
А. Эммер.*

Чем дольше живу, тем все больше убеждаюсь, что многие мысли и представления о жизни и людях, мысли умные и глубоко психологические или просто сиюминутные — но высказанные прямо, вдруг теряют едва ли не половину своего содержания. Но они же, изложенные иносказательно, так, чтобы у слушателя (читателя) оставался простор для мыслей своих, вдруг оказываются наполнены содержанием чуть ли не более глубоким, чем предполагал рассказчик.

Поэтому я люблю писать сказки. И в продолжение нашего разговора хочу предложить вам одну из них. Это едва ли не самая любимая моя сказка: потому что на вопрос, о чем она, читавшие всякий раз отвечают по-разному, иногда заставляя меня всерьез и надолго задуматься.

☺ О чем будет эта сказка для Вас, Читатель?

Итак...

=====

— Ваше Величество...

Королева-мать медленно отвернулась от окна, как бы не желая отрывать от него взгляд, и, наконец, посмотрела на говорящего.

— Да?

— Его Высочество вернулся.

— Хорошо. — королева вновь повернулась к окну. — Где он сейчас?

— Занимается с фехтовальщиком, что гостит в замке.

— Не с фехтовальщиком, а с учителем фехтования. — Королева говорила ровно, не повышая тона и не оборачиваясь. — С фехтовальщиками развлекаются, лоботрясничают, а у учителя учатся. Ты ведь не хочешь, чтобы про принца говорили, что он убивает время в развлечениях?

— Его Высочество занимается сейчас с учителем фехтования, — послушно исправился собеседник.

— Хорошо.

Повисла пауза, и тот, кто говорил с королевой, человек невысокого роста в придворной одежде и слегка сутулый от многолетней привычки кланяться, понял, что беседа окончена. Королева полностью погрузилась в созерцание вида за окном. Человек в придворной одежде давно уже не пытался понять, что такого видит в окне королева, что может занимать ее целыми днями. Он просто привык, что если нет никакой настоящей государственной необходимости, ее величество целыми днями глядит в окно. Всегда в одно и то же: высокое стрельчатое окно в покоях бывшего короля — ее мужа. А государственная необходимость стараниями человека в придворной одежде случалась здесь не часто.

Шпага в руках юного принца мелькала быстро, точно, словом, правильно. Чувствовалась хорошая школа. О шпаге в руках его напарника этого сказать было нельзя. Сказать можно было другое: эта шпага летала легко и изящно, непредсказуемо и вдохновенно. Тут уже роль играла не школа, тут ощущалось мастерство. Ощущалось исподволь, на уровне внутреннего подрагивания тех струн или жилок, что равнодушны в человеке ко встрече с чем-то необыкновенным, недоступным простому смертному. Впрочем, на этот раз исподволь ощущать было некому: никого в обеденной зале кроме принца и его соперника не было, так что никто не мог оценить ни сосредоточенную работу его высочества, ни легкую расслабленность и озорные блески в глазах владельца изящной шпаги. Бой был очевидно не всамделишный, острия были заботливо укрыты пробковыми наконечниками, да и в

движениях участников сквозило скорее стремление к созданию уникального и неповторимого рисунка, чем азарт разрушения. Вот принц поморщился: в стройных его движениях промелькнуло что-то неуверенное, что смазало всю картину. Принц взмахнул шпагой в салюте, отмечая окончание боя, поклонился и, сняв пробковый наконечник, аккуратно вложил шпагу в ножны, висевшие на стене обеденной залы. В зал тут же неслышно вошел человек в придворной одежде.

— Его высочеству будет угодно повидать ее величество? — спросил он, не подымая глаз.

— А где мама?

— Как обычно, Ваше высочество.

— Тогда попозже.

— Вам напомнить, Ваше высочество?

— Спасибо, не стоит.

Человек поклонился и вышел, чуть скрипнув дверью.

— А ты не очень любишь его, принц, — заметил второй фехтовальщик. — Кто это?

— Наш первый министр. Правду сказать, и единственный.

— А что, больше не нужно?

— Да нет, — принц пожал плечами, — ему всего заботы: управлять замком. Раньше их было больше, но когда умер старый король — это мой папа — мама всех поблагодарила и отпустила в город. А этот остался.

— Почему?

— Должен же кто-то остаться. Вот он и остался.

— А... — собеседник принца пожал плечами, — ну это конечно.

— Ты здесь не живешь, фехтовальщик, потому не очень понимаешь, да? — принц поднял глаза и серьезно посмотрел на того, кого назвал фехтовальщиком.

— Признаться, не очень.

— Ну, конечно, министры уходят в город — это тот, что внизу у реки — всем королевством управляет вместо короля один министр, наследник скачет верхом в одиночестве по окрестностям в поисках интересных людей — вроде тебя — а королева весь день смотрит в окно, тут что-то не так, верно?

— Не обязательно, — фехтовальщик улыбнулся, — жизнь очень разная. В моих краях одна — у вас другая.

— Это верно, — принц вздохнул. — Что ты знаешь о волшебниках?

— Они говорят о волшебниках, Ваше величество, — министр приблизился к неподвижно стоящей королеве.

— О волшебниках? Хорошо. Пусть говорят.

— Его высочество собирался зайти к Вам.

— Хорошо.

— Может быть, его высочеству не стоит уж очень интересоваться темой волшебников?

— Может быть.

— Ваше величество не хочет поговорить с сыном об этом?

— Я посмотрю.

— Понимаешь, волшебников в нашем краю немало. Вообще-то они есть почти в каждом городе, который не принадлежит стране магов.

— Стране магов?

— Ты и про это не знаешь. Страна магов лежит на востоке. Впрочем, это раньше так было. Теперь, кажется, она лежит почти везде вокруг.

— Они хорошо воюют?

— Нет, они вовсе не воюют. Города сами присоединяются к ним.

— Зачем?

— Так лучше. У магов все получается. У них всегда мир, а люди живут, как хотят. Ну и сыты, естественно.

— У вас тут, как я видел, дела идут не хуже.

— Так ведь и у нас тут тоже страна магов. Ну, не совсем еще, но по сути — так.

— “Так” — это как?

Принц нахмурился, подыскивая слова для объяснения, понятного чужеземцу.

— Вот живет себе город, управляет им король. Ну или герцог какой или князь — это неважно.

Понятно?

Фехтовальщик улыбнулся добродушно, но немного насмешливо: “Понятно”.

— Ну вот, а потом в город приходит городской волшебник. И живет в городе, пока город не захочет войти в страну магов.

— А что король?

— Король обычно не против: он все равно остается королем. Его никто не трогает. Бывает, что король не желает видеть в своем городе волшебника, но, во-первых, волшебник приходит не к нему, а к горожанам, а во-вторых, кто же тронет волшебника!

— И что, ни один король не захотел схватить волшебника?

— Говорят, когда-то захотел.

— Ну и?

— Новый король оставил его в покое.

— Как же, города вот так просто, потому что волшебник попросил, присоединяются к магам?

— Не к магам, а к стране магов. Как стать магом у нас никто не знает.

— А что, кто-то хочет?

— Еще бы! Ну вот, города, конечно, присоединяются не просто так. Волшебники часто живут в городах десятки лет. В соседнем с нашим городе никто уже и не помнит, когда тамошний волшебник появился. Тут все просто: город присоединяется к стране магов, когда кто-то, любой человек, придет к волшебнику и попросит о чуде. Ну, желание загадает. Волшебник выполнит желание, и город станет городом страны магов.

— Ты хочешь сказать, что десятилетиями не находится никого, кто бы захотел попросить волшебника сделать ему чудо? Что, никому ничего не надо?

— Нет, дело не в этом. Конечно, желания у всех есть. Но никто не хочет, чтобы волшебник ушел.

Подожди, дай объяснить. Когда волшебник исполнит желание, и город станет еще одним городом страны магов, волшебник покидает его. Навсегда. А людям жаль. Волшебник ведь не просто живет. Он все равно чудеса делает. Без просьбы. С ним и надежно, и весело. Да и маги город защищают если что.

— Даже если он не вошел в их страну?

— Понимаешь, по сути, как все уже поняли, город становится частью их страны, как только в нем появляется волшебник. Так что просьба о чуде — это формальность. А так... Они ведь ничего не просят. Тыходишь в страну магов — и ничего. Ты не платишь, ты не служишь, ты не воюешь, ты просто живешь своей жизнью, как раньше.

— А что меняется?

— Просто, ну, как объяснить, тебе как бы больше везет. То есть, знаешь же, бывает, делаешь что-нибудь, а ерунда какая-то мешает, или обстоятельства не так сложатся, или люди не так поймут, или еще что. А как волшебники появляются, так все то же, только все мелочи — за тебя. Людям нравится.

— Ага, а как чудо попросили, волшебник уходит, и вся эта красота заканчивается?

— Не заканчивается. Но волшебник уходит. А это жаль. Он ведь еще и человек, говорят, хороший. Добрый, что ли. Помогает, если видит, что надо кому-нибудь. Наш, по крайней мере такой. Люди говорят.

— Ты что ж, рядом живешь, а своего волшебника не видел?

— К нему не принято ходить. Скажешь ненароком в разговоре просьбу, не подумав. А он исполнит. И уйдет.

— Что же, ваш волшебник так и живет отшельником?

— Ну, не отшельником. Он ходит по городу, с ним все здороваются. Улыбаются. Помогают поднести с рынка что-нибудь, дорогу показывают. Просто трудно это — все время думать, что говоришь. Поэтому и стараются все обойтись без слов. А он понимает и не настаивает.

— А ты что же, ни разу ради интереса не ездил в город на него посмотреть?

— Ездил. С мамой, когда был маленький. Только он в плаще с капюшоном ходит. Его не особенно разглядишь.

— А ты сам, о чем бы ты попросил волшебника, если бы было можно?

Принц вздохнул и ответил после долгой паузы:

— Не знаю.

— Королева отвернулась от окна и подошла к вошедшему принцу.
— Сынок, как тебе твой новый учитель фехтования?
— Он интересный. Я ему много рассказывал про наш город.
— Что ты рассказывал? — Королева склонила голову с заинтересованной улыбкой.
— О волшебнике, откуда он и зачем.
— О волшебнике... Конечно, о волшебнике.
— Мама, ты не думай. Я помню, что волшебника просить нельзя. Я и не собирался. Я помню предсказание.
— Ты хочешь обойти предсказание, сын? — Королева смотрела на сына печально, и улыбки уже не было в ее глазах.
— Ну, не обойти, так хоть оттянуть.
— Хорошо. Пусть будет по-твоему. Хотя...
— Ты так говоришь, как будто хочешь, чтобы предсказание сбылось.
— Какая разница, чего я хочу. Важнее, чего ты хочешь, сынок.
— Я пока не скажу.
— Конечно, не скажешь. Спокойной тебе ночи.

Министр подошел по своему обыкновению почти неслышно. Королева на сей раз не стояла у окна, а сидела в кресле, где разговаривала с принцем.

— Вы рассчитываете отменить пророчество, Ваше величество?
— Нет, — королева обернулась к нему. — Но хотя бы оттянуть.
— Ваше величество...
— Я знаю. Знаю, что пророчество не обманешь. Но я не знаю, что будет после. Я не знаю даже, нужно ли мне бояться пророчества или радоваться ему. Я знаю лишь, что сейчас мы живем неплохо. Может быть, немного одиноко, но неплохо. А что будет потом, когда пророчество исполнится — это мне не известно. Я не могу отменить пророчества, тут ты прав. Но я могу не хотеть его.
Королева встала и двинулась к окну. Тяжелое платье заструилось по полу, так что казалось, что королева проплывает от кресла к стене, разгоняя в стороны маленькие волны шелка и бархата. Сутулый министр торопливо отшагнул в сторону и тихо вышел. Королева осталась одна.
— Я могу не хотеть, — снова прошептала она, останавливаясь у окна. — Но, быть может, мне нужно именно хотеть?

И она обратила взгляд в окно, туда, где внизу, у подножия замка лежал, окруженный старой стеной, ее родной город. Там были люди, почти все, с кем прошла ее жизнь. И просто люди, которых она даже не знала, но которых не было в ее замке. Там, возможно, были друзья или даже подруги, там были рынок и площадь у ратуши, где заезжие комедианты давали представления, много чего было там, много чего такого, что в последние годы обходило стороной замок и устремлялось прямо туда, где жил теперь волшебник, и где не было ее, королевы и матери.

— Пойдем со мной, фехтовальщик.
— Куда? — разбуженный полусонный фехтовальщик смотрел на принца из полумрака балдахина несколько недоуменно.
— В город.
— Прямо сейчас?
— Ну, — принц выглядел уже немного смущенным, — утром. Или днем. Пойдем, я покажу тебе город.
— Ты выбрал самое подходящее время для того, чтобы предложить экскурсию, принц. — Фехтовальщик улыбался одними глазами, лицо у него было серьезное. — Почему бы тебе не сообщить мне об этом завтра, а?
— Пойдем мы завтра, — не сдавался принц, — но предупредить лучше сейчас. Мы пойдем пешком.
— Ну вот еще, — моментально проснулся фехтовальщик. — Верховую езду уже изобрели.
— Нет, — терпеливо пояснил принц, — мы пойдем пешком, чтобы нас не хватились.
— Мы что, бежим?
— Нет, нет. Просто мы хотим посмотреть на волшебника, а маме эта идея не нравится.
— А, — кивнул фехтовальщик, — этот ваш местный фольклор, понятно.

— Не знаю, что такое фольклор, — признался принц, но маму лучше не беспокоить.
— Она запретит ехать?
— Нет. Она даже не будет уговаривать остаться. Но беспокоиться она будет. А так мы, быть может, вернемся до того, как нас хватятся.
— Поэтому ты предлагаешь выйти теперь же.
— Ну... да.
— Ладно, спускайся к воротам. Я сейчас.

— Они идут в город, Ваше величество.
— Да.

— Пока принц с фехтовальщиком спускались по дороге из замка к городу, уже слегка рассвело. Солнце, конечно, еще не взошло, но лица стекающихся к городу окрестных торговцев уже можно было разглядеть, и цвета вполне различались. Принц одет был буднично, фехтовальщик и вовсе шел в своей дорожной одежде, так что излишнего внимания они не привлекли. Да и некому было обращать на них особенное внимание. Стражники у ворот больше заботились о том, чтобы произвести надлежащее впечатление на торговцев, а те, в свою очередь, пеклись о сохранности товара и о том, чтобы раньше других поспеть на рыночную площадь. В общей суете принц с фехтовальщиком прошли в городские ворота практически беспрепятственно, если не считать телег, лошадей, ослов, мулов и опять-таки торговцев, сцепившихся между собой: ослы и мулы — упряжью, а торговцы — просто так, на словах.

— Ну, и куда теперь? — поинтересовался фехтовальщик, когда они выбрались из привратной толпы. Принц задумчиво огляделся по сторонам.

— Волшебник живет где-то у других ворот, на отшибе. Туда обычно мало кто ходит, я рассказывал почему. В общем, я туда тоже не ходил. Так что давай искать вместе.

— Ну да, это у тебя называется “показать город”.

Принц улыбнулся немного виновато и пожал плечами, но глаза его улыбались с хитринкой. Мол, ты ведь знал, что дело не в достопримечательностях.

— Ладно хоть насчет волшебника не провел, — усмехнулся фехтовальщик. — Или, — тут он настороженно посмотрел на принца, — здесь тоже что-то не так?

— Ну... — принц нагнул голову, так что взгляд его пришелся теперь как-то исподлобья, — да.

— Ага, — фехтовальщик посмотрел на принца внимательно. — И что именно?

— В общем, — принц посмотрел себе под ноги, потом выдохнул и расправил плечи, — в общем, было пророчество. Еще до моего рождения. О том, что волшебник уйдет из-за меня. Что однажды, когда я вырасту, я приду к нему и попрошу. Вот я и вырос.

— А кто напорошил?

— Не знаю. Может, сам волшебник, может другой волшебник, не наш, а может еще кто-нибудь. Только пророчества у нас обычно сбываются. Так что ты не сомневайся, пророчество настоящее, не сплетня какая-то.

— Да я не сомневаюсь, у вас тут всё... может быть. Поэтому и мама не хотела, чтобы ты ездил в город?

— Да. Она все говорила, что там есть слова “когда вырастет”. Ну и что, наверное, еще рано.

— Понятно. — фехтовальщик посмотрел на принца, как будто вновь знакомился: испытующе и как бы оценивая. — Что просить-то будешь?

— Ну, — принц нахмурился, — я пока не буду говорить, ладно? Вот волшебника найдем.

— Давай хоть спросим, где его искать.

— Может быть, лучше не надо?

— Почему?

— Это не очень принято.

— Мало ли что не принято. А как мы его тогда найдем?

— Ну, я не знаю.

Шумно на рынке. На рынке всегда шумно, и это не значит, что где-то беда. На рынке должно быть шумно, это значит, что на рынке все идет хорошо, рынок живет обычной нормальной жизнью. Тихо должно быть дома, — это начальник караула знал по себе. Если бы это знала и его жена... Ох. Вот о чем бы попросить волшебника. Но нет. Нельзя так обращаться со старым уважаемым человеком. Он,

начальник охраны, будет доволен, а седой человек — покидай насиженное место и отправляйся в путь? Нет, такие дела ложатся на совесть — это начальник караула тоже знал. А на свою совесть лишнего бремени он не хотел. Пусть уж будет как будет, да живет богато наш город и да хранит его волшебник. Вон, кстати, его работник у лавки зеленщика стоит, покупки в тележку укладывает. Спиной к тележке стоит, не оглядывается. Правильно. Кто ж из тележки волшебника станет тащить?

Это, впрочем, начальник караула подумал больше по старой привычке — еще с юности осталась. С приходом в город волшебника на рынке стало куда спокойнее. Волшебник уже тогда был сед, хотя выглядел крепким. Когда это было?... Да считай почти сразу как старого короля не стало. Он и не старый вовсе был: начальник караула (тогда еще просто городской стражник) часто короля видел, когда королевская охота проезжала через город. Вот с охоты старый король однажды и не вернулся... Да, времени немало прошло. Сколько же сейчас лет нашему волшебнику, интересно?

— Три пучка лука, вон ту связку баранок и дыню. Хозяин просил дыню. И еще, пожалуй, яблоч. Вот эти из корзины, слева от тебя. Спелые они?

— Конечно! — дородный добродушный торговец засмеялся, — как будто в первый раз берешь. Как здоровье твоего волшебника?

— Да, да, как его здоровье? — поддержал вывернувшийся из окружающей толчеи городской начальник караула.

— А что ему будет? Волшебники не болеют.

— Всем бы так.

— Ага.

Широкоплечий мужчина в добротной одежде уложил в тележку последний куль с покупками, попрощавшись, подтолкнул своего осла и зашагал вслед за ним, держа путь туда, где толпа редела на краю рыночной площади. Занятый прокладыванием себе дороги, он, похоже, совсем не обращал внимания на двух людей в запыленной одежде, которые усердно работали локтями, чтобы не отстать от него. Однако, выбравшись из толчеи рынка, он остановился и, подождав, пока идущие следом выберутся тоже, обернулся к ним.

— У вас, вероятно, есть ко мне дело?

— Да. — тот, что помоложе посмотрел прямо и сосредоточенно, — нам нужно попасть к твоему хозяину.

— Вы хотите видеть Чародея?

— Волшебника, — уточнил тот, что выглядел старше.

— Конечно, тут его зовут волшебником, — согласился человек с тележкой.

— А где его зовут Чародеем? — заинтересовался старший.

— Там, откуда он пришел сюда.

— Ты пришел вместе с ним? — удивился принц. Но ведь это было очень давно!

— Для тебя, юноша — давно. — Человек с тележкой смотрел на принца изучающе, почти так, как недавно смотрел на него фехтовальщик. — Для меня — не очень. Вы хотите видеть Чародея? Тогда идите за мной.

Дом чародея не впечатлял. То есть не то, чтобы он был мал или несолидно выглядел. Выглядел он просто старым. Не ветхим, не разваливающимся, не обшарпанным, а просто старым, хотя хозяин его, видимо, и заботился о том, чтобы стены были покрашены, а дверные петли не скрипели. Когда-то, наверное, прежний хозяин дома очень им гордился: дом был высокий и массивный, с каменными украшениями над входом и большими светлыми окнами. Черепичная крыша то тут то там бугрилась островерхими башенками, а на одной из них даже помещались часы. Принц присмотрелся: часы шли. Только они шли как-то странно. Точнее было бы наверное сказать “часы жили”. Большая стрелка, вместо того, чтобы ровно двигаться по циферблату, застыла в пяти-шести минутах от двенадцати и лишь подрагивала на одну-две минуты то вперед, то назад, будто дышала. Создавалось впечатление, что на часах каким-то странным образом оказалась стрелка от аптекарских весов. Но маленькая стрелка твердо и без колебаний указывала на двенадцать — начало и конец по ежедневному кругу времени. Так что это были именно часы. Но — часы необычные. Каким и положено быть на доме городского волшебника.

Разгрузив тележку, человек с рынка пригласил принца с фехтовальщиком пройти внутрь. Изнутри жилище чародея оказалось просторным, и хотя и не содержалось в образцовом порядке, по-своему

уютным. Едва гости вместе с провожатым вошли, из приоткрытой двери, ведущей куда-то вглубь дома, раздался приглушенный расстоянием голос:

— Сколько тебя не было? — голос звучал резко и потому был слышен отчетливо. Принц с фехтовальщиком переглянулись: казалось странным, чтобы у волшебника или даже чародея голос звучал так... непривлекательно.

— Не знаю, — откликнулся меж тем вернувшийся с рынка человек. — Я не следил за временем.

— А надо бы, — наставительно проскрипел голос, — время летит быстро.

— Куда? — это прозвучало немного насмешливо. “Похоже, волшебник панибратствует со слугами”, — подумал принц.

— “Куда?” — это не вопрос. — ответил обладатель скрипучего голоса, — “Куда” — это вовсе не интересно. Интересней, откуда. Скажи мне, откуда летит время?

— Похоже, — прошептал фехтовальщик, склоняясь к уху принца, — от безлюдья ваш волшебник немного, ну, сбрендил.

— Вряд ли, — так же шепотом ответил принц, — с волшебниками такого не бывает. Вот только голос у него...

— Это да, — согласился фехтовальщик, — голосок у него еще тот. А насчет “не бывает” — кто это проверял? Вы тут, как я смотрю, привыкли все принимать на веру.

Тем временем их попутчик и проводник закончил добродушно переругиваться со скрипучим голосом и, усевшись в кресло, обратил внимание на гостей:

— Так что вам нужно?

— Нам нужен волшебник, — напомнил принц.

Повисла пауза. Человек в кресле смотрел на гостей дома заинтересованно и, пожалуй, где-то в глубине глаз озорно. Гости выжидающе глядели на него. Молчание затягивалось.

— А-а! — вдруг понял фехтовальщик, внимательно разглядывая того, кто сидел в кресле. — Похоже, Вы и есть волшебник. Или, как Вам, наверное, больше нравится, Чародей.

Чародей улыбнулся, точнее чуть дрогнул губами так, что получилась улыбка — не просто улыбка, а улыбка Волшебника, и склонил голову.

— Да. Располагайтесь. Теперь вам нужно решить, ко мне ли вы пришли.

— А другого волшебника тут нет? — с некоторой надеждой в голосе спросил принц.

— Нет, я живу один. — Чародей пожал плечами, как бы извиняясь за то, что другого волшебника он предоставить не может.

— Но вы же с кем-то разговаривали?

— А! — Чародей улыбнулся на сей раз широко, совсем не по-волшебному, — это попугай. Птица такая. Мажек, — это было обращено в сторону приоткрытой двери, — присоединяйся к нам.

Из двери вылетел довольно большой, темно-лиловый с прозеленью попугай и, хлопнув крыльями, сел на высокий напольный подсвечник тусклого металла.

— Добрый день, — прозвучал знакомый неласковый голос. — Чего это вы к нам?

— А почему его зовут Мажек? — спросил принц.

— А потому, — немедленно отозвался Мажек, — что птица мага — тоже почти маг. Только маленький. То есть мажек. Заметь, я хоть и птица, а на твой вопрос отвечаю. Будь и ты вежлив: ответь на мой.

— А какой твой?

— Я спросил, — в голосе Мажека явно звучал сарказм, — что вам тут нужно?

— Мы хотели видеть волшебника... ну, чародея.

— Ну, вот вы его увидели, — Мажек смотрел сурово, — что дальше?

— Ну... — принц посмотрел на того, кого они повстречали на рынке и кто сидел теперь перед ними в кресле, — ну...

— Словом, — обернулся тот к птице, — не похожи мы с тобой на волшебников. Ни ты, ни я. Ну, ладно. Кроме них с фехтовальщиком в комнате вдруг никого не осталось. Это было бы ясно, даже если бы принцу завязали глаза и заткнули уши. Рядом оглядывался фехтовальщик. На комнату как-то уж очень быстро опустились сумерки, и стены комнаты не вдруг, а незаметно, но ощутимо, сделались зыбкими, не прозрачными, но почти призрачными. В глубине зыбких сумерек, там, куда, должно быть, вела некогда замеченная гостями дверь, которой сейчас и не было вовсе, там, где сумрак казался уж очень вязким и не трепетал, а скорее переваливался и клубился, принц и фехтовальщик в облаке расплывающегося света сначала не увидели, а просто угадали появление Чародея.

Да, это был он, их рыночный знакомец. Черты лица были те же, и глаза смотрели так же: чуть насмешливо и немного грустно. Только это лицо было гораздо старше, бледнее, и волосы были не слегка, а совсем седые. Тот, кого видели сейчас перед собой гости волшебника, уже не казался пышущим жизненной силой здоровяком, он был стар и не слишком крепок. Это ощущалось явственно, хотя тело чародея и было скрыто под мягкими складками просторного одеяния — то ли плаща, то ли балахона. Видны были лишь лицо и руки — бледные, тоже точеные временем, с отчетливыми прожилками и костяшками. И лицо, и руки казались как бы подсвеченными изнутри и, должно быть, от этого выглядели еще старше.

— Ну, что, так и будем молчать? — из состояния созерцания вывел визитеров слышанный прежде скрипучий голос. Раздавался он на сей раз из клюва золотисто-лилового грифона внушительных размеров, что лежал у ног чародея, охлестывая неторопливо вздымающиеся бока хвостом с пушистой кистью на конце. От неожиданности принц моргнул.

Все вернулось на свое место: и комната, и попугай, и кресло, и массивный в нем человек средних лет и изрядного здоровья.

— Довольны? — спросил он. — Да вы садитесь, наконец.

Гости опустились в кресла, что оказались сзади.

— Пожалуй, в настоящем виде Вы все-таки... словом, так с Вами легче разговаривать, — проговорил наконец фехтовальщик.

— В настоящем? — поднял бровь чародей. — А какой из них, по-твоему, настоящий?

— Вот этот, нынешний.

— Нет, — чародей вздохнул, — этот как раз не настоящий. Но ты прав. В нем удобней разговаривать, да и вообще жить среди других. А так... Вообще-то это больше видимость.

— А зачем?

— Ты же сам сказал: легче разговаривать. Вам со мной. Ну и как следствие — мне с вами: вы меньше отвлекаетесь от сути, когда собеседник выглядит привычно.

— Сколько же Вам лет? — спросил принц. Чародей усмехнулся:

— Много.

— Но ведь Вы волшебник. В смысле — чародей. Сделайте себя молодым.

— Пожалуй, — чародей вздохнул, — это единственное, чего я не могу.

— Почему? — удивился принц. — Мне рассказывали, что волшебники из страны магов могут все.

— Все, — задумчиво сказал чародей, — все не может, наверное, никто. Можно мочь многое. Можно — очень многое. Можно — почти все. Это как я. Но все — вряд ли. Ты не думал, принц, откуда берется волшебство магов?

— Наверное, у вас особые знания. Или талант. От природы.

— Да, — улыбнулся чародей, — это тоже. Но почему наши чудеса сбываются? Чем мы платим за это?

— Нет, — честно ответил принц, — этого я не знаю. Да и вряд ли могу знать. Говорят, вы это скрываете, чтобы другие не смогли быть магами.

— Есть те, кто сам догадался... Как ты сказал? Чтобы другие не смогли быть магами? А ты — лично ты — хочешь быть магом?

Принц подумал и ответил:

— Я хочу быть королем. И — магом.

— Ишь ты, — скрипнул попугай неодобрительно. Но продолжать не стал.

— А зачем? — чародей смотрел на принца внимательно, и тот вдруг побледнел.

— Ну вот, — вздохнул принц. — Пророчество — оно исполнилось.

— Пророчество? — чародей поднял брови. — Какое?

Тут уже принц посмотрел на него удивленно:

— Ну... я все-таки не удержался и — попросил.

— И не в первый раз за сегодня, — не преминул заметить попугай-грифон.

— А что за пророчество? — чародей казался искренне заинтересованным.

— Говорят, — стал объяснять принц, — что если кто-то, неважно кто, обратится к волшебнику с просьбой, тот исполнит ее, а потом уйдет из города, который станет тогда одним из городов страны магов. Потому что это будет Город, Который Видел Чудо. Из таких городов и состоит ваша страна. Так?

— В целом, — кивнул чародей, — так.

— Ну вот, — продолжил принц, — было пророчество, что в нашем городе к волшебнику, то есть к Вам, с просьбой приду я. И мама не хотела, чтобы я бывал в городе.

— Мама не хотела, — задумчиво повторил чародей, — все верно, мама не хотела. Но, — тут чародей поднял глаза на принца, — ты пришел.

— Понимаете, — принц повел плечами и даже слегка покраснел, — в пророчестве сказано, что я приду, когда вырасту. И королем я стану тоже, когда вырасту. Так что, пока я не пришел к Вам, я не мог стать королем.

— А парень с амбицией, — каркнул Мажек и покачал головой то ли одобрительно, то ли насмешливо. Имея некоторый опыт общения с попугаем, фехтовальщик решил, что скорее насмешливо.

— И теперь ты будешь королем, — заключил чародей. Так в чем же просьба? И причем тут пророчество?

— Ну, пророчество! — принц посмотрел на чародея исподлобья, как недавно смотрел на фехтовальщика. — Пророчество есть пророчество. Хотя мне и не хочется, чтобы оно сбылось. Жители города меня невзлюбят.

— Почему?

— Потому что Вы уйдете из-за меня.

— И что с того?

— Как что? Они ведь любят Вас.

— Вот как? — тон чародея был изумленным, и с таким же видом он смотрел на попугая. — Ты слышал, Мажек, жители меня любят. Никогда не замечал.

Неизвестно как Мажеку удалось хмыкнуть, хотя клюв его не был к этому приспособлен никоим образом.

— Что же, — чародей вновь обернулся к принцу. — Я уйду, а тебя будут за это не любить. Я правильно понял?

— Ну... да.

Королева смотрела в окно на город, над которым уже встало солнце. Отсюда не было видно уличной суеты и толкотни на рыночной площади, зато отчетливо виднелись верткие флюгеры на остроконечных башнях и черепичных крышах. И скопление телег у ворот, медленно втягиваемое городом, тоже было видно.

— Он уже там, Ваше величество, — министр стоял за плечом королевы и тоже смотрел в окно.

— Может быть, — королева вздохнула, — это и к лучшему.

— Ты хочешь быть королем, и чтобы люди тебя любили?

— Да.

— А еще, — напомнил ехидно попугай, — он хочет быть магом.

— Да, — чародей улыбнулся грустно, — я помню. Но это вряд ли стоит принимать всерьез. Это он по молодости. И — глупости.

— Ну да, я понимаю, что в магии вы чужих не пускаете, это я уж так просто сказал, — серьезно кивнул чародею принц.

— Не пускаем? — улыбка чародея стала веселее. — это поклеп. От нас это просто не зависит.

— Не зависит? — это удивился уже фехтовальщик.

— Да, — чародей закивал головой и посмотрел на гостей уже совсем весело. — Вам это не приходило в голову? Но ведь это так просто: учеником мага — и, естественно, магом — может стать только тот, кто уже сотворил одно чудо. Любое. Но — чудо. Нечто волшебное. Сам.

— Сам? — во взгляде принца сквозило недоверие. — Один? А! То есть он должен быть сыном другого мага? Это передается по наследству?

— Нет. — Чародей уже не смеялся, и взгляд его был обращен куда-то сквозь собеседников. — Нет, по наследству это как раз не передается. По карйней мере — не всегда.

— Тогда откуда берутся магии?

— Да, — поддержал фехтовальщик, — Вы начали было говорить о том, за счет чего происходят чудеса, но отвлеклись.

— Обрати внимание, это ты отвлекся, — вставил свое слово Мажек.

— За счет чего происходят чудеса? — чародей приподнял бровь, — разумеется, за счет мага.
— Как это? — фехтовальщик подался вперед, а принц не отрывал от чародея взгляда.
— Маг может собирать свою жизнь, скажем, в пучок. И расходовать его сразу, одновременно. Большое чудо — большая часть жизни. Фокус — маленькая. Маг творит чудеса, и его время уходит. Все просто.
— Но ведь маги живут долго! — принц не мог поверить.
— Да. Маги живут долго. — Чародей вздохнул. — Чудеса имеют и обратное действие: люди, которым помог маг, что-то думают о нас, восторгаются, иногда любят, иногда благодарят (в душе — не платить же магу деньги в самом деле!). Они не умеют собирать жизнь в один миг, но их много, и часть их тепла затрагивает нас. Это поддерживает и дает силы. То есть волшебство. А отсюда и чудеса. Кстати, потому маги и не любят творить волшебство злое: страх людей приближает нашу смерть.
— Но, — задумчиво спросил фехтовальщик, — разве не может один маг сделать чудо для другого? Скажем, омолодить его?
— К тому времени, как маг становится способен на это, у него остаются силы лишь на Последнее Чудо. Мелкие фокусы — не в счет. Одна жизнь за другую — что это меняет? — чародей, казалось, говорил сам с собой, будто решая что-то. — Чудо омоложения не имеет смысла. А так... Маги живут долго. Но стареют очень скоро. Ты молод, принц. Ты не захочешь стать магом.

На первый взгляд, радости горожан не было предела. Впрочем, на второй взгляд впечатление сохранялось. Казалось, в той толчее и тесноте, которая царила на всех близлежащих улицах, в окнах, на балконах и крышах, невозможно чему-то радоваться, но горожане не только радовались, но и делали это бурно, шумно и даже кое-где пытались танцевать. Трудно было поверить, что здесь может уместиться столько народу, но поверить приходилось: было похоже, что не только все жители города, но и все население окрестностей, а может, и соседних городов, собрались в один час в одном месте. Едва принц вышел из дома чародея, чьи-то руки подхватили его, подняли на плечи, понесли. Мимо: справа, слева, снизу, в окнах и на крышах мелькали счастливые лица, машущие руки, флаги и гирлянды, в воздух взлетали шляпы и воздушные шары, глаза сотен людей были устремлены к нему, и принц видел, как на эти глаза — детские, юные, по-взрослому серьезные или по-стариковски мудрые, добрые, озорные или лукавые, яркие, широко открытые и глубоко посаженные, большие, раскосые, зеленые, голубые, карие, синие, словом — разные — как на глаза эти, когда принц отражался в них, наворачивались слезы.

Передавая с рук на руки, люди несли его над собой, а навстречу ему неся, стремительно нарастая, заполняя собой тесное пространство улиц и выплескиваясь на крыши и дальше — в небо — приближался и подхватывал могучими волнами восторженный крик города: “Да здравствует король!”

— Ваше величество...

Это обращение было еще совсем непривычным, и он не сразу откликнулся, так что бургомистру пришлось повторить еще раз:

— Ваше величество.

— Да. — Это “да” прозвучало не только как ответ бургомистру, но и как согласие. Дескать, “да, величество. А ты думал?”

— Ваше величество, — в третий раз повторил бургомистр, — желает ознакомиться с отчетом о расходах на вчерашнее празднество и положении дел в городе?

— А разве, — удивился новый король, — мы не входим в страну магов?

— Конечно, входим, — пояснил бургомистр. — Но править-то все равно будете Вы, Ваше величество. Ну да, величество это про него. Значит, править будет он. Понятно. Наверное.

— А мама? — вопрос прозвучал не совсем по-королевски, но что теперь делать?

— Ее величество сможет теперь отойти от дел, — серьезно сказал бургомистр, — и жить частной жизнью. Вчера она прибыла в город и поселилась в своем доме.

— У мамы есть дом в городе?

— Да. Уже много лет. Нам пришлось спешно его ремонтировать.

— Но почему мама жила там, в замке? Ведь это было... скучно. Ей.

— Ее величество считала, что царствующим королям это больше подходит. Конечно, вы можете решить иначе.

— Я хочу жить здесь, в городе, — быстро ответил бывший принц, уже начавший привыкать к титулу “величество”.

— Как Вам будет угодно, — бургомистр склонился перед королем, но даже по его обычно невозмутимому лицу королевского чиновника было видно, что эта новость ему по душе. — Так Ваше величество желает ознакомиться с отчетом?

— Потом, наверное.

— Как Вам будет угодно, — бургомистр передал помощнику одну пухлую папку и взял взамен другую, куда тоньше. — Тогда, быть может, вы захотите отдать распоряжения о похоронах?

Королева стояла у окна. Правда окно это было другое, из него была видна рыночная площадь, соседние дома, пестро наряженные в честь вчерашнего праздника, доносился разноголосый шум, в котором изредка угадывались слова “Да здравствует король!” Город все еще праздновал и веселился. Уже не так бурно и тесно, как вчера вечером, когда королева въехала в свой городской дом, уже более камерно и семейно, отдельными компаниями, но гул праздника еще стоял над городом и не хотел угасать. Впрочем, королева не испытывала неудобства. Город принял ее сына, и праздник этих людей шумел в его честь. Королева была благодарна им.

Было и еще одно отличие. Королева стояла не одна. Нет, за ее спиной не было министра. Рядом с нею, обняв за плечи стоял тот, кого могли узнать разве что молодой король, старый министр, да, пожалуй, еще городской волшебник, вздумай они вдруг здесь появиться. Но и они знали его как заезжего учителя фехтования. Только сам он да еще королева во всем городе знали, кто он на самом деле.

Когда-то — и еще не очень давно — он был молод, горд и твердо правил своим городом. Пока не пришел волшебник. Он поселился в городе, и правителю это пришлось не по вкусу. Во главе городской стражи явился он к дому волшебника и потребовал покинуть город. А потом... Потом волшебник остался в городе, а правитель отправился в дорогу. Он перестал быть правителем, но не был этим огорчен. Теперь он представлялся учителем фехтования. Конечно, это был не очень звучный титул, и королева это понимала. Поэтому виделись они нечасто. Но теперь — теперь времена изменились, и королева надеялась, что на рыночной площади никто не посмотрит непочтительно на отошедшую от дел женщину, даже если титул ее спутника всего лишь “фехтовальщик”: ученикам магов не полагается афишировать настоящий род своих занятий. Это нескромно.

Молодой король почувствовал себя неуютно и как-то зябко.

— О похоронах? О чьих?

— Городской волшебник умирает, — объяснил бургомистр. Мы хотели проститься. Мы надеялись, что Ваше величество не будет возражать.

— Конечно... — недавний принц и нынешний король почувствовал себя как-то нереально и даже голос свой услышал будто со стороны, — но... как? Почему умирает? Совершив чудо, волшебник — он уходит. Он уходит, разве не так?

Он искал ответ в глазах бургомистра, он пытался понять, что же изменилось в этом мире, который еще пару минут назад был таким теплым и дружелюбным.

— Все верно, — бургомистр кивнул королю, как бы поняв его состояние и желая ободрить, — Ваше величество правы. Так он и уходит. Это было его Последнее чудо. Разве вы не знали? Волшебники всегда так уходят. Вы ведь не думаете, что волшебники бросают свои города. Они творят чудо и умирают. Поэтому жители как можно дольше не просят их о чуде. Неужели Вам этого не говорили? — бургомистр казался удивленным. И вдруг в его глазах мелькнуло понимание, — Пророчество! Да? Вам просто не сказали?

— Да, — голова короля опустилась вниз, и осанка его в этот миг была совсем не королевской, — мне не говорили. Этого мне не говорили.

Король молчал, и бургомистр не прерывал молчания. Ему казалось, он понимает, что творится сейчас в королевской душе. Старый бургомистр очень хотел помочь, но он не знал, как. И молчал. И смотрел в пол. Королевские слезы — не для подданных. Во всяком случае, так считалось раньше.

Грифон-попугай лежал рядом на полу и лишь изредка поднимал голову. Бока птицы-льва опадали тяжелыми вздохами, а хвост был неподвижен. Мажек молчал и, казалось, ни на кого не обращал внимания.

Над ним, на высокой резной кровати под приопущенным балдахином лежал чародей. Он выглядел по-настоящему: седая голова лежала на подушке неподвижно, бледное лицо еще немного светилось изнутри, но руки уже почти полностью были скрыты в тонком зыбком сумраке, густевшем у ног, но пока еще отступавшем у изголовья. Глаза чародея были открыты, и молодого короля он узнал. Губами чародей не шевелил, но слова его прошелестели в голове короля:

— Здравствуй, принц. Прости, ты ведь уже король. Здравствуй, король.

— Здравствуй, чародей.

— Я выполнил твою просьбу.

— Да. Но ты обманул меня, чародей.

— Я?

— Ты не сказал мне, что умрешь.

— Разве ты не знал этого, король?

Король не ответил сразу. Он вспомнил вчерашний день, весь, с раннего утра и до вечера. Он вспомнил встречу с чародеем и их разговор. Он вспомнил свои вопросы и его ответы. Он вспомнил то, что знал раньше. И ответил:

— Я знал это.

— Тогда не сердись на меня, мой мальчик.

— Я не сержусь, — король усмехнулся, и усмешка вышла хриплой. Быть может, потому, что вместе с королем вздохнул и грифон-попугай.

— Скажи мне, чародей... Ты ведь не умрешь прямо сейчас, мы успеем поговорить?

— Хорошо.

— Скажи мне, чародей, ты можешь не уходить?

— Нет, не могу, король.

— Не называй меня королем.

— Хорошо.

— Постой, я спрошу не так. Ты можешь не уйти, остаться с нами, с городом,.. со мной?

— Я не знаю.

— А! — искра надежды, опасливой и потому торопливо спрятанной, мелькнула в глазах молодого короля. — значит, можешь. Скажи, как? Скажи, что делать? Скажи, я сделаю.

— Я не сказал, что могу. Я сказал, что не знаю. Такого еще не случалось.

— Ты подумай, ну пожалуйста, — король не отрывал глаз от гаснущего лица чародея, — подскажи, ты только подскажи, дальше я сам.

— Чего ты хочешь? — эти слова прошелестели совсем тихо, и серая зыбь придвинулась к лицу чародея.

— Я хочу, — король подхватил легкое тело чародея за плечи и, придерживая голову, приблизил его лицо к своему, как бы стараясь вытащить его из обступающего колышущегося сумрака, — я хочу, чтобы ты остался, чтобы ты жил!

Люди собрались у дома волшебника. Их было не меньше, чем вчера, только теперь они стояли молча, напряженно вглядываясь в окна дома. Головы их, несмотря на вечерний час, были непокрыты. Люди ждали. Они пришли проводить волшебника, но вовсе не хотели его торопить. То тут, то там в руках мелькали корзинки с провизией: жители города были готовы прождать всю ночь, и следующий день, и следующий. Они не торопили смерть волшебника, который прожил в их городе всю их жизнь, но хотели проводить его, когда он уйдет. Город ждал. Ждал тихо и спокойно.

Мгла отступила разом. Не исчезли ни седина, ни бледность, но кожа засветилась изнутри ровным мягким светом, и серая зыбучая темнота пропала вовсе. Чародей лежал на кровати, прикрытый домашним балахоном. А над ним, ничего не стесняясь, плакал захлеб молодой король. И усевшийся на резную спинку кровати лилово-зеленый попугай не спешил смеяться над ним.

Шепот волной прошел по стоящим плотной стеной горожанам и оборвался разом. Все взгляды устремились на ворота дома волшебника, на которые поднялся их новый король. Вновь он видел сотни

устремленных к нему глаз. В них не было вопроса. Просто ожидание. Люди ждали слов короля. Король постоял на воротах, будто не решаясь начать, а потом сказал:

— Волшебник остается...

На последних звуках голос его сорвался, но сказанное им уже покатилося дальше по улицам, по лицам и головам, по губам и глазам. И оттуда, издали, где в сумерках уже было не разглядеть конца улиц, покатилося навстречу размеренно, приближаясь и набирая силу уверенно и торжественно совсем иначе звучавшее вчера:

— Да здравствует король!

Стоявший на воротах ожидал, похоже, чего угодно, только не этого. Но звук ширился, разрастался в глубину, усиливался, отражался от стен домов и, вбирая в себя голоса все новых и новых людей, двигался вперед, к воротам чародея со всех сторон:

— Да здравствует король!

Губы молодого короля дрогнули, но вдруг лицо его преобразил страх. Резко обернувшись, юноша спрыгнул с ворот и побежал к дому. А вдогонку ему все гремело, подхватывая на бегу: “Да здравствует король!” Только сейчас это молодого короля не радовало. Не переводя духа он вбежал в комнату чародея, обхватил за плечи и стал напряженно всматриваться в его лицо.

— Я не просил! — королевский голос звенел испуганно, и дыхание срывалось. — Я же больше не просил! Зачем?

Первым в королевских чувствах разобрался попугай. Прокашлявшись долго и обстоятельно, чтобы привлечь внимание людей, он поглядел на короля и объяснил ему, кивая на чародея:

— Это не он.

— Не он? — король перевел взгляд на чародея и переспросил уже спокойнее, — не ты?

Тут понимание пришло и к чародею.

— Не я, — он улыбнулся. — На этот раз они сами.

— Ох. — Напряжение покинуло короля, и он сел прямо на пол, у изголовья кровати. — Ты все-таки остался. — Улыбка получилась усталой, но глаза восторженно светились. — А говорил: “не могу”.

Чародей поднял брови и переглянулся с попугаем.

— Я и не мог. Ты мне не поможешь сесть? Спасибо. Нет, я не мог.

— Но тогда... Ты ведь останешься?

— Ну, когда-то все уходят, и я тоже. Но не теперь. Только это не моя, а твоя работа. — Чародей внимательно посмотрел на молодого короля, и голос его прозвучал неожиданно глубоко. — Спасибо. Король не ответил.

— Усваивает, — прокомментировал Мажек.

— Что же, — юноша говорил медленно, как бы вслушиваясь в собственные слова, — я тоже волшебник?

— Нет, — чародей улыбнулся, — еще нет. Но ты сделал свое Первое Чудо. И теперь решай сам — ты стал королем. Хочешь ты стать учеником мага?

Молодой король поднял глаза на чародея, потом отвел их, посмотрел вниз и вдруг поднял руки к глазам. Кожа его рук почти незаметно, но все-таки в вечерних сумерках вполне отчетливо светилась изнутри мягким, теплым светом. И уже где-то на краю сознания промелькнул восхищенный скрип грифонистого попугая:

— Нет, ну ты подумай, он только что заметил!

О чем эта сказка, Читатель?

Человек хороший и человек принципиальный

*Хороший человек подлости делает неохотно.
В. Гроссман.*

*Принципы — это всегда неприятно.
А. Вайман, честнейший и добрейший человек.*

*В маньяках хороша принципиальность.
Д. Леонтьев.*

Принципиальность, как нерушимая верность определенным логическим или иным умозрительным конструкциям, меня обычно в человеке пугает. Должно быть, отчасти и потому, что в жизни уже приходилось сталкиваться с ситуациями, когда некое верование (принцип) оказывалось дороже человека, его благополучия, душевного спокойствия, дороже теплых и близких отношений между людьми.

Помню случай, когда девушка искренне возмущалась: «Ну как он мог: в театре пройти на свое место спиной к сидящим! Разве можно с таким человеком показываться на людях?!» Я понимаю, девушка была искренней, и ей, наверное, для сохранения душевного покоя собственного, действительно надо показываться на людях с кем-то другим. Однако, Читатель, насколько это нормально, когда вопрос о продолжении отношений искренне зависит от таких вот «факторов»?

⌚ У меня эта девушка вызывает сочувствие: скольких еще хороших, наверное, людей она пропустит в своей жизни из-за несовпадения во взглядах на то, как обязательно должно быть?

Другие примеры не менее бытовые, на глобальность мы не замахиваемся: вот человек отказывается куда-то идти: «Меня не пригласили!», не хочет с кем-то разговаривать: «Она забыла мой день рождения!», не хочет мириться: «Такое не прощают!» Кстати, возможны и обратные варианты: прийти туда, куда не звали — из принципа! — потому что «имею право быть приглашенным»; разговаривать с нежной улыбкой с человеком, к которому душа не лежит совершенно: «вежливый человек не должен показывать свои чувства», потом, когда уже невтерпех, излить свои чувства в глаза или за глаза — и переживать, что «я такая сволочь». Ну и так далее.

⌚ Иногда вслед за выражением «не буду из принципа» можно услышать и истинную его подоплеку: «Назло!»

Принципиальная (!) разница здесь не в том, что именно люди делают, а в том, ради чего они это делают. Можно жить и действовать — из принципа. Или назло. А можно — так, как в данный момент будет лучше всего для возможно большего числа включенных в ситуацию людей. (А Вы, кстати — тоже человек). То есть, если вспомнить приведенные примеры, прийти или не прийти куда-то можно для того, чтобы кому-то что-то доказать, ответить на обиду, воспитать, сохранить свои права и так далее. А можно — для того, чтобы кому-то было удобно, приятно, тепло. По сути, это выбор между «правильно» и «хорошо».

⌚ Бывает, что это совпадает. Тогда и говорить не о чем. Хуже, когда это не совпадает. Что тогда выберем?

В детстве есть такой период, когда малыши начинают активно ябедничать. И дело не том, что они непременно желают напакостить своим приятелям. Просто в определенном возрасте в детском сознании устанавливается представление о том, что «правильно», а что — нет. Идет первая попытка упорядочить и подчинить себе мир: путем знания и использования — правил. Ребенок ябедничает, потому что ему важно подтвердить верность своего знания о мире. Знания о том, что можно, и чего — нельзя. А еще ему важно убедиться, что используя знание правил, он может миром управлять — надавливая на нужные «кнопки»: вот нажалуюсь, и Васяка получит.

В том, детском возрасте, это важно. И если мир вокруг ребенка оказывается постоянно непредсказуем, детская голова такого постоянного изменения правил может и не выдержать. А правила, кстати сказать, эта голова может усваивать лишь простые и понятные. Безоговорочные.

⌚ «Спички в руки брать — нельзя! — А ты сама берешь. — Поправка: нельзя брать детям.»

С возрастом, когда такого четкого деления на «можно и нельзя», «хорошо и плохо» для нормального существования в мире уже недостаточно, когда появляются различные «если», тонкости и нюансы непосредственной ситуации, от человека требуется уже не просто знать правило, но и разбираться в его глубоких основах, причинах. Потому что правила изначально нужны не сами по себе, а зачем-то.

⌚ Что-то нужно исправить, чем-то управлять...

Человек развивается, усвершенствует свою способность разбираться в мире, и вот уже ему не нужны детские прямые правила. Он знаком с правилами более общими, на основе которых — путем несложных логических операций — может разобраться, как именно вести себя в конкретной ситуации. И тут возникает вопрос: а откуда эти, более общие правила (или принципы) с возрастом берутся?

Самых общих путей здесь три. Сначала, в детстве (впрочем, есть люди, которые, кажется, сохранили эту особенность и в уже солидном возрасте), представление о «хорошо» и «плохо» формируется главным образом по принципу «кнута и пряника». За одно — обычно наказывают. Поэтому так делать нельзя. А за другое — как правило, хвалят. Поэтому так делать можно и нужно. Так возникает первое глубинное знание о морали и нравственности. Позднее, когда детские переживания уже не легко восстановить, заложенные таким, «ременно-конфетным», способом ценности, воспроизводятся человеком вполне автоматически, как само собой разумеющиеся.

☹ А как же иначе?

Интересно в разговоре с людьми подмечать, как часто в ответ на предложение представить, а что будет, если будет все-таки «не так», человек испытывает отголоски безотчетного страха (напряжение), стараясь прикрыться жестким «Так быть не должно. И всё». О былом наказании он уже не помнит. Но знание об этом в нем живо.

☹ Попа помнит.

Наказание не обязательно было физическим. Это и осуждение родителей, и их резкое слово, и крик, и холодное молчание, словом, все то, от чего становилось плохо, тяжело и больно — на душе. Так или иначе, формируется безотчетная уверенность: то-то и то-то делать нельзя, потому что мне будет плохо. И, позже: так делать — плохо.

Вот девушка гневно хмурит брови, слыша просторечные слова от однокурсницы. Вот молодой человек никак не может хотя бы чуть-чуть повысить голос. А другой не может дотронуться до женской груди в располагающей к этому обстановке.

☹ Есть и другие трудности.

Если большинство нравственных ограничений в жизни человека именно такого, из страха перед наказанием, происхождения, то он, возможно, и будет безопасным членом общества (и то спорно), а вот то, что значительная часть его жизни пройдет в страхе (пусть и неявном, подавленном) — это уже грустно.

Обычно с годами из детства, остаются лишь самые общие аксиомы: стремиться желательно к хорошему, а плохого — избегать. А вот решать, что хорошо, а что плохо, помогают уже — логические конструкции. Человек привыкает оперировать понятиями «добро», «любовь», «милосердие», «вежливость», «нравственность», «дружба», «верность», «искренность», «забота», «правда» и так далее.

☹ А еще «хамство», «подлость», «предательство», «неблагодарность», «гнусность», «ложь», «разгильдяйство» и прочее из той же области.

Но смысл каждый вкладывает свой... И привычное отнесение той или иной ситуации по сходству внешних признаков к соответствующему понятию позволяет более или менее точно отсортировать «хорошее» от «плохого». Появляется Понятие о Морали.

Один знакомый мне и весьма неглупый парень утверждал как-то, что для того, чтобы быть добрым, достаточно быть — умным. Тогда ты поймешь, что хорошо, и не ошибешься. И вообще, говорил он, все зло от глупости, от ошибок. От незнания и неумения выяснить, как правильно.

В бытовой повседневности и человек, умно анализирующий соответствие поведения своего и чужого с усвоенным или логически выстроенным представлением о том, каким это поведение быть должно, тоже достаточно безопасен. До тех пор, пока у него хватает — ума — считать, что чужие логические конструкции могут в чем-то с его собственными и не совпадать, а терпимость — это тоже из области «хорошо». Опасность в другом: логические конструкции изначально зиждутся на недоказанных положениях — аксиомах. И если в жизни нашего логически добропорядочного человека неожиданным образом глубокие аксиомы изменятся (или окажутся кривы с самого начала), то и построенная на их основе — вполне правильная с точки зрения логики — мораль может оказаться не просто странной, а откровенно вредной для окружающих, да и для самого человека.

☹ А аксиомы эти меняться очень даже могут. По сути, хоть немного их меняет едва ли не любое сильное эмоциональное переживание. Потому что родом эти аксиомы — оттуда, из переживаний.

И вот человек, некогда вежливый и улыбчивый (потому что так должно быть, «людей надо любить»), пережив очередной жизненный кризис, становится агрессивным и раздражительным, находит удовольствие в причинении неприятностей окружающим (а что — весь мир таков! Это закон жизни!) Главное, ведь, все — ПРАВИЛЬНО. То есть логически вытекает из новых аксиом.

Важно понимать, что в основе такой (да и практически любой другой) логики лежит — вера. В данном случае, вера в то, что кто-то или что-то — должны. Должны быть такими, а не иными, следовать таким правилам, говорить такие слова, испытывать такие чувства.

⌚ «Ты не должен так жить! Так быть не должно!»

По сути, это претензия к миру, что мир этот — должен. (А долг — платежом красен.) И если этот мир, эти люди, эта жизнь свои долги не выполняют, то это — плохой мир, плохие люди и плохая жизнь. А поэтому их надо — исправить. А раз они плохие, то нечего с ними церемониться.

⌚ Ничего не напоминает? Дескать, поскольку я — человек принципиальный, то вот список, которому ты, уж пожалуйста, соответствуй. Еще раз: поскольку я — такой, то и ты — будь добр. Абсурд? Или — принципиальность?

При прочих равных правота своя и неправота другого здесь зависит от умения навязать свое понимание основных понятий. Тогда, говоря о них, вы по-своему же и будете правы. Фокус только в том, чтобы это свое понимание представить общим. Ну, общеизвестным. И еще: поскольку таким образом можно «передернуть» (убедительно) практически любую идею, любой принцип, то нет общего толкования принципа, а есть то, которое конкретному его «пользователю» приемлемо или удобно. И на любой мудрый принцип найдется не менее мудрый антипринцип. Было бы желание.

ЛЮБОЙ ПРИНЦИП МОЖНО ОБРАТИТЬ ВО ЗЛО, БЫЛО БЫ ЖЕЛАНИЕ

Вряд ли Читатель не сталкивался с ситуациями, когда человек, знакомый с подобной неоднозначностью принципов, сознательно (или не очень) их использовал. Как инструмент. Ведь принципы могут служить и для подтверждения и утверждения выгодных для себя толкований и ситуаций, и — для замены отсутствующего опыта.

⌚ Реальный же опыт куда разнообразней, чем схема, догма, принцип. А жизнь принципам не подчиняется, она богаче. Так?

Тогда со всем, что не попадает в схему, надо либо бороться, либо нужно это игнорировать.

Отбрасывать, не замечать. Чаше всего мы так и делаем, не слишком отдавая себе в этом отчет. От природы этот механизм — отбрасывания того, что не кажется нам существенным, избирательность — охраняет нас от огромного количества неважной информации, которую иначе пришлось бы обрабатывать, позволяет концентрировать внимание. Но он же, этот механизм, заставляет нас обманывать самих себя (и других), домысливать то, чего нет, и искажать представление или вовсе игнорировать то, что есть.

⌚ В математике 90%-ная вероятность близка к истинности. В жизни — не обязательно.

У нас в клубе есть одно любопытное занятие, когда вся необходимая информация по упражнению подается открыто, на глазах у всех, но немного непривычным способом. И регулярно, из года в год, абсолютное большинство этой информации не замечает. Но: на вопрос о том, кто сможет повторить, руки уверенно поднимаются. Люди видели все. И они же не видели — главного. Однако готовы утверждать обратное.

В жизни часто бывает так же. Пусть мы не заметили главного, но все-таки уверены, что нам все ясно. И готовы отстаивать свою принципиальную правоту.

Обычно человек или уже знает об относительности принципов, и, навязывая их другим, как руководство к действию, сознательно пытается что-то с этого иметь (не обязательно плохое). Либо — человек ситуацией не владеет, навыка успешного поведения в ней не имеет, опыта для собственного подхода (с вариантами) — тоже. Но хочет создать себе видимость хозяина положения. И тогда он берет (или формулирует, если готовые не удобны) принцип. То есть правило, по которому он прав.

ПРИНЦИПЫ — ЭТО ЕЩЕ И ПРЕТЕНЗИЯ НЕВЕЖЕСТВА К ЗНАНИЮ

Разумеется, так происходит не всегда. Но и так происходит тоже. И тогда принципиальность человека для его окружающих становится очень нерадостной.

Наконец, помимо страха и логики, внутренняя основа жизни: поведения, рассуждений, взгляда на мир и людей — может покоиться на том, что в психологии называется эмпатией.

⌚ То есть сочувствием-сопереживанием.

Когда человек живет не под страхом наказания и не в мире принципов и понятий, его подход может опираться на это сопереживание: сиюминутно и непосредственно переживаемое состояние людей вокруг — что им радостно, а что больно, что нравится, а что — нет. Тогда, при такой душевной отзывчивости, человеку не всегда нужно *знать* что хорошо и плохо. Он почувствует это в себе самом. Я надеюсь, что читателю такое состояние знакомо. Когда рядом нервничают или радуются близкие люди, когда напрягаются в недовольстве или облегченно расслабляются окружающие, когда до перехвата дыхания обрушивается в горе или в счастье даже совсем незнакомый человек — это обычно чувствуется. Но: для этого к людям все-таки нужно быть внимательным. К ним самим, а не к тому, что от них хочется нам. Вот такое внимание к людям и их переживанию вместе с желанием, чтобы им (и

нам с ними) было и жилось хорошо, лежит, по-моему в основе нравственности непосредственной, живой, человеческой.

☺ Человеческой.

К сожалению, не могу утверждать, что большинство знакомых мне людей нужно срочно избавить от страха перед наказанием и от умения вычислять правильное поведение на основе известных норм. Пусть это — в разумных пределах — тоже будет. Собственно, именно таких, умеющих отвлечься от себя и обратить искреннее внимание на тех, кто рядом, мы и называем обычно — хорошими людьми. Они не всегда точно знают, как должно быть и не торопятся наказывать-осуждать в память о том, как некогда наказывали или осудили их. Они не всегда отлично воспитаны и фундаментально образованы. Они часто не знакомы с правилами этикета и могут перепутать, скажем, Дориана Грея с Александром Грином.

☺ Хотя это вовсе не обязательно. Просто, это не главное.

Хороший человек — не обязательно герой и борец за правду. Не обязательно храбрец или очень сильный духом человек. Хороший человек не обязательно умен и красив. Это все хорошо, но это — о другом. Но хороший человек избегает причинять боль окружающим. Хотя бы и потому, что такая боль отзывается в нем самом. Поэтому рядом с ним нам не просто безопасно, но и хорошо.

ХОРОШЕМУ ЧЕЛОВЕКУ НЕПРИЯТНО ПРИЧИНЯТЬ НЕПРИЯТНОСТИ ДРУГОМУ. ПОЭТОМУ РЯДОМ НИМ — БЕЗОПАСНО. И ХОРОШО

В реальности, насколько я понимаю, в большинстве из нас есть что-то и от наказанного ребенка, и от теоретика правды и добра, и — от хорошего человека. Причем, в разных ситуациях по-разному. По отношению к своим близким — одно, к знакомым — другое, к людям малознакомым — третье. А к начальству и прочим сильным мира сего — четвертое. Мы — разные. Какие люди Вас окружают, и чего больше в Вас самих, Читатель? И чего бы Вы хотели?

Одна славная женщина и замечательный психолог Елена Ложкина рассказывала мне такую притчу: хитрец захотел испытать мудреца. Он поймал бабочку и спрятал ее в ладонях. Потом пошел к мудрецу и спросил: «Какая у меня бабочка, живая или мертвая?». А сам думал: «Если он ответит, что живая, я сожму ладони и скажу с сожалением: «Нет, мертвая». А если он решит, что мертвая, я раскрою ладони, и скажу: «Ты ошибаешься, она живая».

Мудрец выслушал хитреца, посмотрел на него и сказал только:

Все в твоих руках.

В заключение этой главы хочется предостеречь от одной часто встречающейся ошибки. Время от времени мы с вами сталкиваемся с чем-то, что нам не нравится, и на что мы, кажется, можем повлиять: будь то вокруг нас или в самих себе. В таких случаях есть два пути: ничего не делать и делать то, что нужно. Но есть и хитрый способ не делать ничего. Можно совершенно не напрягаться, не прикладывать усилий, а вместо этого — испытывать чувство вины.

☺ «Мне стыдно!», — дешево и сердито.

И чем больше человек казнит и виноватит себя, тем больше вероятность, что он вообще-то знает, что сделать, чтобы положение исправить, но делать этого — не хочет. А взамен выбирает иллюзию действия: вроде бы и реагирует как-то, и даже бурно, но за дело взяться вовсе не собирается. Поэтому человек, измученный угрызениями совести — совсем не то же самое, что хороший. Это скорее ближе к принципиальному. И на вопрос «как избавиться от чувства вины?» я обычно предлагаю приступить к делу. Не всем такой способ нравится. Но он — работает.

Чего больше в Вашей жизни, Читатель: страха и наказания (в том числе и самого себя)? Принципов? Доброты и сопереживания? Всего понемногу?